

Дарья Донцова

Мушкетер в Бигудях

АГЕНТАМЕР
СМСК В
ИВАН
ПОДУШКИН



ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Дарья Донцова
Тушканчик в бигудях
Серия «Джентльмен сыска
Иван Подушкин», книга 7

текст предоставлен издательством ЭКСМО.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118877
Тушканчик в бигудях: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-22748-8

Аннотация

Иван Подушкин в панике! Его хозяйка Элеонора, владелица сысчного бюро «Ниро», легла в больницу на операцию. Нужда приперла Ваню к стенке. Чтобы оправдать высокое доверие своей повелительницы, ему предстоит расследовать дело об убийстве их несостоявшейся клиентки Леры самостоятельно. А тут еще нагрянули безумные родственнички Норы, а к ним в придачу вселилась маменька Ивана, тоже большой подарок! Но вся эта катавасия дома не помешала Подушкину быстро отыскать преступника. Им оказался муж Леры, якобы покончивший жизнь самоубийством и вот уже много лет числившийся в покойниках. Но Ваня начал сомневаться в его вине. И оказался прав. В этом деле, как выяснилось, замешано большое число весьма занятых дамочек. И многие из них после визита Подушкина отправились к праотцам. Наконец в конце тоннеля забрезжил

свет, спасительный свет! У многих из убитых был общий знакомый по кличке Масик. Дело за малым – найти его. А это оказалось ох как непросто: кто-то невидимый постоянно ставит Подушкину палки в колеса...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	46
Глава 5	62
Глава 6	78
Глава 7	90
Глава 8	105
Глава 9	121
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Дарья Донцова

Тушканчик в бигудях

Глава 1

Лучшая защита для женщины – ее толстый кошелек. Дама может быть хороша собой, умна, очаровательна, воспитана, интеллигентна, скромна, но, если в ее бумажнике пусто, дело плохо. Наш мир жесток, кто вас кормит, тот вас и «танцует». Если вы хотите целый день лежать на диване, сложив наманикюренные пальчики, готовьтесь к тому, что превратитесь в личную собственность того, кто дает материальную стабильность. Вот пошел я как-то с Гришкой в ресторан и наблюдал там отвратительную картину: сидевший за соседним столиком мужик налетел на свою спутницу, прехорошенькую куколку лет восемнадцати с огромными голубыми глазами и пухлыми детскими губками. Уж не знаю, чем его обозлило небесное создание, но парень примерно четверть часа орал на несчастную. Слова, которые он употреблял, я повторить не способен. Поймите меня правильно, я живу на свете не один десяток лет и хорошо знаком с ненормативной лексикой, но считаю, что воспитанный человек не имеет права позволять себе некоторые выражения, в особенности в публичном месте и при дамах. Мужик меня разозлил. Я бы

на месте блондиночки встал, взял со стола миску с салатом и надел ее на голову потного от воплей мерзавца. Но девочка молчала. Ее маленькие ушки, в которых сверкали серьги с крупными бриллиантами, стали огненными, потом краска залила стройную трогательно-беззащитную шейку, украшенную красивым, явно очень дорогим колье, и я понял: нет, никогда этот несчастный ребенок не проявит свой характер, будет терпеть унижение и публичные оскорбления, потому что сей разнузданный хам содержит ее, покупает сверкающие камушки, водит в рестораны, одевает, обувает, кормит, в конце концов. А не у всех мужчин хватает благородства души, не каждый способен уважать содержанку.

– За все нужно платить, – хмыкнул Гришка, проследив за моим взглядом, – любишь кататься, люби и саночки возить. Хочет брюликами сверкать – пусть терпит!

Но в моем сердце прочно поселилась жалость к несчастной девочке.

– Гриша, ты несправедлив. Ну чем этот запуганный ребенок хуже вон тех теток, обвешанных побрякушками с головы до ног?

Приятель повернул голову, обозрел полных дам, допивавших на двоих третью бутылку водки, и ухмыльнулся:

– Знаю я этих нимф. Королевы продуктов. Правая – владелица сети супермаркетов, левая – хозяйка двух крупных оптовых рынков. Расслабляются после тяжелой трудовой недели. Основное отличие этих бабенок от той дрожащей

киски состоит лишь в одном: торгашки сами заработали себе на машины, украшения, квартиры и водку с селедкой. Да, они не кажутся мне привлекательными, а еще я очень хорошо знаю, что эти пьяные чебурашки отродясь серьезной литературы не читали, хорошую музыку не слышали, а из кино предпочитают порнуху. Киска же, рыдающая за соседним столиком, наверное, учится в университете и сумеет отличить Бабеля от Бебеля, художника Моне от Мане и наверняка знает, что человек со смешной фамилией Пендерецкий – великий композитор. Не исключаю, что она не прочитала последний опус Пелевина, этот автор ей не должен нравиться, киска небось в экстазе от любовных романов Анны Берсеновой, но прилюдно она никогда в этом не признается.

– Чем тебе не угодила бедная девочка? – возмутился я.

Гришка скривился:

– Видал я таких. Знаешь, если придется идти в разведку, то скорей уж я выберу в спутницы одну из тех торгашек, чем зайку, которая в столь юном возрасте продалась за украшения.

Выпалив филиппику в адрес предполагаемой студентки, Гришка начал разделявать лежащую у него на тарелке дораду. Я промолчал. Гриша самозабвенный бабник, правда, это качество не мешает ему быть отличным врачом. Скорей всего, моему падкому на девиц приятелю понравилась плачущая девочка, и он просто обозлился, что она принадлежит другому!

Гришка поднял глаза от тарелки и ухмыльнулся:

– Ты, Ваня, слишком мягкотелый, поэтому бабы из тебя веревки и вяют, прикрикни один раз на Николетту, и дело с концом. Дай ей понять, кто денежки зарабатывает.

– Мне поздно меняться, – улыбнулся я, – бунтовать следовало в подростковом возрасте, но в те годы я мнил себя рыцарем Ланселотом, защитником прекрасной половины человечества.

– Ты просто читал не те книги, – заржал Гришка, – вот оно, пагубное влияние литературы на неокрепшую детскую душу.

– Может быть, – кивнул я, наблюдая, как хорошенькая девочка, осторожно перебирая стройными ножками, бредет за отчаянно матерящимся кавалером к двери.

В фигурке с опущенной прелестной белокурой головкой было что-то трогательное, и у меня вновь защемило сердце.

– Лучшая защита женщины – ее толстый кошелек, – прокомментировал Гришка, тоже наблюдая за удаляющейся парой. – Всем девочкам прямо с пеленок следует внушать: дуры, думайте первым делом не о хахалях, а об образовании. Станете хорошо зарабатывать, будете свободны, никто вас никогда не подомнет под себя. Увидите, что любовник хамит, швырнете ему в морду подарки и уйдете прочь. Другой найдется. Лично у меня самостоятельные бабы вызывают уважение, да и гадости говорить им я поостерегусь, потому что мигом отпор получу. А эта киска просто вызывает жела-

ние пнуть ее.

– Она совсем ребенок, – возмутился я, – о какой самостоятельности может идти речь!

– Ути-пути, – заржал Гришка. – Ваня, ты неподражаем. Знаем мы таких деток, да они с десяти лет мечтают к кому-нибудь на содержание пойти и очень хорошо понимают: чтобы сесть мужику на шею, следует сперва раздвинуть ноги. И вообще, с какой стати тебя эта ситуация задела? Ешь рыбу, остынет.

Я взял приборы и принялся ковырять нежную мякоть. Но маленькое личико с огромными бездонно-голубыми глазами, наполненными слезами, стояло передо мной. Я сам удивился тогда своему состоянию, и вот надо же, почти два месяца прошло после похода в ресторан, а я, не успев сегодня проснуться, снова отчего-то вспомнил обиженную девушку.

– Иван Палыч! – заколотила в дверь моей спальни домработница Ленка. – Хозяйка вам напомнить велит: через полчаса клиент придет, вставайте!

Я выполз из-под одеяла, зевнул и отправился в ванную бриться.

Надо сказать, что многие люди имеют весьма вольное понятие о времени. У русского человека полдень – это промежуток с двенадцати дня до часу. Редко кто приходит на встречу точно в назначенный час. Иностранцы, столкнувшись с этой особенностью россиян, как правило, изумляются.

ся до колик. Вот Гришка, мой уже упомянутый приятель, отправился в Германию, в университет, читать лекции. Он великолепный специалист – психиатр, но может работать и невропатологом. Сначала все у него шло нормально, но в воскресенье Гришка хорошо отдохнул в шtube¹, от души попил тамошнего нефильТРованного пива, поэтому в понедельник отправился на занятия просто никакой. Войдя в университет, он первым делом понесся в буфет, где начал глотать кофе, то, что прозвенел звонок, собиравший студизусов на занятия, Григория не смутило. В Москве профессура спокойно задерживается, а переполненная аудитория ждет препода, не выражая особого недовольства.

Теперь представьте себе полнейшее изумление Гришки, когда он через пятнадцать минут после урочного времени, войдя в аудиторию, обнаружил перед собой пустые столы. Помаявшись в одиночестве некоторое время (в Москве студенты тоже могут припоздниться, а демократично настроенные преподаватели не станут поднимать бучу), Гришка таки направился в учебную часть, где заявил:

– Группа в полном составе прогуляла занятия.

В ответ он услышал совершенно невероятную вещь. Инспектор поднял на лоб очки и выдал:

– Нет, учащиеся были на месте ровно в девять. Через три минуты, поняв, что вы, герр профессор, опаздываете, они сообщили об этом вопиющем факте мне и ушли самостоятельно-

¹ *Шtube* – пивная, испорченный немецкий.

но заниматься в библиотеку. Вам объявляется выговор, а из зарплаты будет вычтен штраф.

Гриша онемел.

– Сколько они ждали? – только и сумел спросить он, обретя дар речи.

– Три минуты, – повторил куратор. – Вы очень задержались.

– Я вошел в девять ноль пять, – мигом соврал Гриша.

Инспектор покачал головой:

– Лекция начинается в девять, ровно, а не в девять ноль пять. Согласитесь, это разное время. Кстати, если кто-то из этих студентов не сдаст вам зачет, учебной частью сей факт может быть расценен как попытка отомстить за жалобу.

Вернувшись в Москву, Гришка без конца рассказывал нам о случившемся казусе и повторял:

– Нет, там нормальному человеку не выжить!

Теперь понимаете, отчего я, зная, что клиенту назначено время на одиннадцать, совершенно спокойно возился у рукомоЙника, несмотря на то, что часы показывали десять пятьдесят пять. Я не ожидал посетителей в ближайшие полчаса. Еще никто из клиентов ни разу не явился вовремя. Опоздав, наиболее воспитанные смущенно бормочут:

– Извините, но вокруг такие пробки!

Конечно, следует ответить: «Выезжайте пораньше», – но я, естественно, молчу. Другие же клиенты даже не считают нужным приносить извинения, весь их вид говорит: скажите

спасибо, что вообще к вам обратился.

В этот момент из прихожей донеслась бодрая трель. Я в изумлении бросил взгляд на циферблат: ровно одиннадцать.

– Входите! – заорала Ленка. – Сейчас Иван Павлович прибежит, он моется, то есть бреется.

Я быстро стер полотенцем с лица мыльную пену и поспешил к клиенту. Если Ленку не остановить, она дальше продолжит рассказ о моих утренних процедурах.

Возле вешалки стояла довольно молодая женщина, вряд ли ей исполнилось сорок. Незнакомка была стройной, с приятной улыбкой на лице, но мне не слишком нравятся смуглые брюнетки, не мой тип. Поэтому никаких особых эмоций дама у меня не вызвала, просто в голове некий секретарь отметил: она явно следит за собой, небось сидит на диете и ходит на занятия фитнесом, и, похоже, у нее нет особых материальных проблем. На даме был элегантный темно-зеленый костюм из твида, самая подходящая одежда для апреля, в руках гостя держала дорогую сумочку из кожи питона.

– Доброе утро, – приветливо улыбнулась она, – я Валерия Ермилова. Вы же, очевидно, тот самый Иван Подушкин, великий сыщик?

Я усмехнулся:

– Рад знакомству, только вы очень сильно преувеличиваете мои более чем скромные способности, я вовсе не волшебник, всего лишь учусь и нахожусь в подчинении у Элеоноры.

Вот она истинный профессионал.

Валерия прищурила глаза:

– Вообще-то кокетство в основном женская черта. Не следует скромничать.

Я улыбнулся и сказал:

– Прошу вас вперед по коридору.

Нора сидела за большим письменным столом. Если не знать, что у нее парализованы ноги, ни в жизнь не догадаться об инвалидности моей хозяйки. Меньше всего Нора похожа на человека, у которого есть физические недостатки.

– Присаживайтесь, – сухо-официально сказала она, – и рассказывайте, кстати, откуда вы про нас узнали?

Валерия на секунду растерялась. Может, она ждала иного приема, милого светского щебета, чаепития, конфет и пирожных, а тут дама, которая мгновенно берет быка за рога. Я укоризненно посмотрел на Нору, на мой взгляд, с людьми следует быть помягче, потактичней.

– Прочитала объявление в газете, – тихо сказала клиентка, – позвонила, и мне женщина по имени Лена назвала час.

Она замолчала.

– Если боитесь, что информация, озвученная в этом кабинете, дойдет до чужих ушей, то зря, – заявила Нора, глядя в глаза Валерии, – все, сказанное вами, умрет, не выходя из этих стен. Я владею агентством «Ниро», сюда каждый день приходят со своими бедами самые разные люди, но ни один

из них не сможет пожаловаться, что была нарушена конфиденциальность. Что же касается Ивана Павловича, то он...

– Слепоглухонемой, – быстро добавил я, – с полнейшим отсутствием памяти. Услышу что – и мигом забуду.

Валерия улыбнулась:

– Ну, у меня нет постыдных тайн, хоть ситуация и неприятная.

– Слушаю вас внимательно, – нахмурилась Нора.

Валерия снова улыбнулась и начала рассказ.

Будучи студенткой, она выскочила замуж, как ей казалось, по безумной любви. Медовый месяц молодожены отправились проводить в Крым, купили путевку в санаторий. Первая неделя прошла волшебно, потом у Виктора, Лериного мужа, случился насморк. Пустяковое недомогание, но оно уложило парня в кровать. Один день Валерия просидела около супруга, но, когда тот и на следующее утро не встал, разозлилась.

– Хватит киснуть, – сказала она, – море такое теплое.

– Мне плохо, – бубнил Виктор, – я умираю.

– Ну и чушь, от соплей еще никто не скончался.

– Ты бессердечна, – обиделся Витя.

– Ну ладно, – сдалась Валерия, – будем сидеть в номере.

Но к двум часам дня ей безумно надоело слоняться по душной комнате, слушать стоны Виктора, и она сказала:

– Ты как хочешь, а я отправлюсь купаться.

Виктор рассердился, и молодожены поссорились. Обозвав мужа противным идиотом, Лера унеслась на пляж. Рассте-

лила на камушках одеяло, позагорала, поплавала, но долго оставаться у воды не стала. Дело в том, что симпатичная одинокая девушка мигом вызвала интерес у представителей сильной половины человечества, и к Валерии начали подсаживаться мужчины разных возрастов. Кое-кого Лера прогнала сразу, но с одним парнем, белокурым красавцем, мило пококотничала. Потом, вспомнив о том, что в номере ее ждет больной муж, испытала укол совести и пошла в санаторий.

Не успела Лера переступить порог комнаты, как Виктор налетел на нее с кулаками, в прямом смысле этого слова. Швырнул новобрачную в кресло и заорал:

– Шлюха, дрянь!

– С ума сошел, – затопала ногами Лера, – идиот! Не смей обзывать.

– Я не смей? – взвыл Виктор. – Заткнись, проститутка!

– Ты меня оскорбляешь! – взвилась Валерия. – За что, интересно знать?

– Видел с балкона, как ты с мужиками кадрилась, – орал взбешенный муж, – я чудесно все разглядел! Глазки строила, задницу отключивала!..

Примерно с полчаса влюбленные орали друг на друга, потом Лера, дойдя до крайней точки кипения, заявила:

– Я свободная женщина и имею право делать все, что хочу, мы не на Востоке живем, у нас жена не раба мужа!

Виктор побелел и что есть силы толкнул Валерию. Она не удержалась на ногах, пролетела через всю комнату, упала,

ударилась головой о столик, сделанный отчего-то не из дерева, а из кованого железа, и потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, в номере было пусто, Виктор ушел. Лера села, ощупала голову и испугалась. Упав, она расшиблась, и теперь все ее лицо покрывала корка засохшей крови. Зарыдав от ужаса, девушка бросилась в ванную, умылась и глянула в зеркало. Ледяная рука, сжимавшая желудок, разомкнулась. Лицо, слава богу, было не изуродовано, упав, Лера надорвала ухо у виска, потому по ее физиономии и текли реки крови.

Успокоившись по поводу внешности, Лера стала переживать из-за мужа. Похоже, Виктор ее совсем не любит, бросил раненую в одиночестве и ушел. Чем больше Лера размышляла над ситуацией, тем гаже ей делалось, и в конце концов новобрачная схватила сумку, паспорт и отправилась на вокзал.

Сами знаете, как легко купить билет из Крыма в Москву летом, в разгар купального сезона, но Лере повезло. Сжимая в руке проездной документ, она села на скамейку. Честно говоря, Лера надеялась на то, что Виктор одумается, вернется в номер, увидит записку, оставленную женой, и, испытывая глубокое раскаянье, побежит на вокзал. Но зря Валерия ждала супруга, тот так и не появился. Разозлившись окончательно, девушка решила, что, вернувшись в Москву, подаст на развод, и укатила.

Оказавшись в столице, Лера отправилась не на квартиру

Виктора, а к своей маме, прибыла, так сказать, по месту прописки. Заготовив речь на тему «все мужики сволочи», Лера позвонила. Дверь распахнула мама.

– Доченька, – зарыдала она, – ну и горе!

– Что случилось? – испугалась Валерия.

Мать молча протянула ей телеграмму. Прочитав короткое извещение, Лера уцепилась за косяк. Ее молодой муж покончил с собой.

Лера в тот же день вылетела назад. Местные милиционеры объяснили, что Виктор прыгнул со скалы в море. Группа туристов наткнулась на кучку одежды, поверх которой лежал паспорт и записка: «Больше жить не хочу. Виктор». Тело не нашли.

– У нас этот утес называют скалой самоубийц, – мрачно пояснили все те же менты, – очень часто утопленника достать невозможно, под водой глубокая впадина.

Лера вернулась домой в ужасном состоянии. Ее грызла совесть. Значит, пока она мчалась на вокзал, покупала билет и мстительно думала гадости про мужа, тот поднимался по тропинке в гору, великолепно зная, что идет в последний путь. Приревновал Леру и совершил ужасный поступок.

Масло в огонь подлила свекровь, которая заявила к невестке, одевшись во все черное с головы до ног. Увидав Леру, она подняла вверх руки и громко, четко произнесла:

– Проклинаю тебя, мразь, до седьмого колена! Пусть не будет тебе ни счастья, ни радости, раз моего сына в могилу

уложила.

Мама Леры мигом вытолкала злобную бабу, но у Валерии случился сердечный приступ.

Целый год после этого она болела, плавно перетекая из одной болячки в другую, но потом взяла себя в руки и решила заняться делом, хоть каким. Продолжать учебу Лера не могла, институт бросила, но сидеть на шее у мамы было совестно.

Найти работу ей помог случай. У Леры жила болонка, и девушка регулярно сама стригла любимицу. Как-то раз к ней заглянула соседка и попросила:

– Приведи в порядок моего пуделя.

– Да я не умею, – попыталась откреститься Лера.

– Ерунда, просто обкромсай шерсть, я заплачу, – настаивала та.

Валерия как могла постригла кобелька и неожиданно поняла, что ей нравится это занятие. Очень скоро она обросла клиентами, потом открыла парикмахерскую, названную без особых затей «Артемон», затем магазин «Все для животных»... В общем, сейчас Лера крупный предприниматель, у нее много торговых точек, две ветеринарные лечебницы...

Нора неожиданно перебила клиентку:

– А что за нужда привела вас к нам?

Лера вздохнула:

– Сейчас объясню.

Глава 2

Некоторое время назад Валерия чуть не погибла. Вышла из парикмахерской, сделала пару шагов по тротуару, и тут откуда ни возьмись появился сумасшедший байкер. Леру спасла реакция, женщина бросилась в сторону и уцелела.

Посчитав происшествие неприятной случайностью, Валерия продолжала жить как прежде. Но через месяц случилось еще одно ЧП.

Лера побежала вечером за хлебом к метро, пройти следовало буквально два шага. Она спустилась на лифте вниз, вышла во двор и увидела, что около ее «Мерседеса» возятся двое парней.

– Эй, вы чем там занимаетесь! – воскликнула она.

Но хулиганы не испугались, более того, сжимая в руках какие-то железки, они стали приближаться к Лере. Та испугалась, во дворе было темно, соседи в основном спали. Разбогатеv, Валерия не стала покупать новую квартиру. Ей вполне хватает той, что есть. Но дом ее совсем даже не элитный, самая обычная блочная башня, никаких секьюрити в подъездах не водится. Нехорошо улыбаясь, подростки приближались, и неизвестно, чем бы закончилось дело, но тут во дворе появился Антон Ромашин со своим питбулем. Собака, укравшая у хозяев за ужином полкило сыра, теперь маялась желудком, и Антону пришлось выводить ее в неурочный час.

Оценив ситуацию, Антон крикнул:

– Пошли вон, иначе пса спущу.

Хулиганы убежали. Утром Лера вызвала на всякий случай автослесаря. Выяснилось, что гайки, придерживающие колеса «Мерседеса», ослаблены, то ли подростки хотели украсть их, то ли решили невесть за что отомстить владельцу иномарки. Ну выиграла в них классовая ненависть к богатым! После этого случая Лера купила место в гараже и постаралась забыть о случившемся. Но не прошло и двух месяцев, как снова образовалась опасная ситуация. В тот день Лера отправилась в «Артемон». Иногда, в исключительных случаях, Валерия сама стрижет собак, а тут как раз и подоспела такая необходимость, привезли суперэлитного йоркширского терьера, которого готовили к всемирной выставке. Лера начала возиться с ним, ей предстояло пропрыгать вокруг собачки несколько часов. Дело было вечером, почти ночью, в парикмахерской никого, кроме Леры и хозяйки терьера, не наблюдалось, остальные работники давным-давно разошлись по домам. Терьеру предстояло в семь утра вылетать в Америку, вот Лера и «марафетила» его перед отправкой в аэропорт.

– Пойду кофейку хлебнуть, – сказала хозяйка йорка.

– Поставь чайник на газ, – велела Лера, – электрический вчера сломался.

Клиентка ушла, Лера стала намазывать длинную шерстку собаки специальным маслом, и тут грянул взрыв, следом на-

чался пожар. Несчастливая владелица йорка, чудом оставшаяся в живых, оказалась в Склифосовского, пес ни в какую Америку не попал, а Лера довольно долгое время жила в напряжении. Ей пришлось делать ремонт и объясняться во всяких инстанциях. Правда, потом выяснилось, что претензий к хозяйке салона нет. Утечка газа. Случается иногда такое.

Валерия замолчала и уставилась на Нору. Та пожалала плечами.

– Бывает в жизни всякое, хотя теперь я понимаю, почему вы пришли ко мне. Извините, пока ничего криминального в происшедшем я не вижу. Обкурившийся байкер, хулиганы, решившие украсть колеса, и неисправная газовая плита... Может, и многовато для одного человека, но ничего страшного.

Лера кивнула:

– Ну да. Я сама так думала, пока не прочитала вот это, смотрите!

Я уставился на газету, которую Лера вытащила из сумочки.

– Что же особенного в этой статье? – удивилась Нора. – Да такие часто публикуют! Подумаешь! Не центральное издание, листок, который выпускает корпорация для своих сотрудников! Кстати, как он к вам попал?

– Я покупала стул, и в магазине лежала стопка этих газет, я случайно взяла одну – и вот...

– «Поздравляем старейшего сотрудника „Громвест“, на-

чальника отдела работы с VIP-клиентами Федора Максимовича Приходько с рождением внука. Желаем маленькому Феде богатырского здоровья и счастья», – медленно озвучила текст Нора.

Потом спросила:

– И что здесь странного? Обычное поздравление.

– Фото видите?

– Конечно.

– Кто на нем изображен?

– Понятия не имею! – раздраженно воскликнула Нора. – Но могу предположить, что лысый толстяк, похожий на бегемота, это и есть сам Федор Максимович Приходько, рядом, очевидно, его жена, такая же, как и муж, огромная, просто бегемотица. Между ними девушка с букетом, очевидно, молодая мать, левее парень с очумелым лицом держит конверт с новорожденным. Ну тут сомнений нет, не иначе как свежеспеченный папаша, рядом с ним тетка, которая с нескрываемой злобой косится на девицу с цветами. Как пить дать – данная особа мать парня и свекровь несчастной. Ну а в самом углу жметесь мужчина, довольно молодой, тоже с букетом, очевидно, какой-то родственник.

– Это мой муж Виктор, – сказала Валерия.

– Какой? – от неожиданности выпалил я. – Тот, утонувший?

– Ну да, – кивнула Лера, – стоит себе с цветами как ни в чем не бывало!

– Вы уверены? – резко спросила Нора. – Он ведь не вчера... кхм, умер?

– Нет, – ответила Лера, – давно дело было.

– Люди сильно меняются за такой срок, – протянула Эленора, – кое-кого и узнать нельзя, был мальчик, стал кабанчик.

– Виктор остался прежним.

– И все же вы можете ошибаться.

– Нет, я знаю точно, это он.

– На чем основана ваша уверенность? – продолжала допытываться Нора.

– Видите руку, которой он держит букет?

– Да, очень хорошо, – кивнула хозяйка.

– Посмотрите на фалангу указательного пальца, там татуировка, выколоты три буквы В.К.О. Муж в подростковом возрасте ее сделал, это первые буквы имен: Виктор, Константин, Олег. Они дружили, считали себя мушкетерами, один за всех, все за одного, ну и отметились.

– Ваня, дай-ка лупу, – велела Нора.

Я протянул хозяйке большое увеличительное стекло на длинной деревянной ручке.

– Действительно, – забормотала Нора, – В.К.О.

– Я и сама тоже через лупу глядела, – кивнула Лера, – это он, сомнений нет. Впрочем, можете сравнить, здесь наши свадебные фотографии.

Нора вытащила из портсигара сигарету и, выпуская отвра-

тительно вонючий дым, принялась разглядывать снимки.

– Да уж, – заявила она спустя пять минут, – надо признать: между мужчинами на фото есть удивительное сходство, поразительное... Даже прическа та же осталась...

– Это он, – настаивала Лера, – Виктор.

– Хорошо, – кивнула Нора, – вы хотите узнать, так ли это? Дело не займет много времени, есть специалисты, которые, применив определенные методики, не спрашивайте какие, не знаю, совершенно точно скажут вам: запечатлена ли на этих снимках одна и та же личность. Могу порекомендовать человека, который охотно поможет вам, естественно, за деньги. Но лично мне данная ситуация совершенно неинтересна. Ну обманул вас по каким-то причинам муж, инсценировал самоубийство, или, может, кто-то его спас, не знаю, только ничего необычного тут нет. Вас же предупредили, что я берусь за неординарные дела, за эксклюзивные, наиболее загадочные случаи. Вашу проблему можно решить мгновенно, и потом, зачем вам Виктор? Он долгое время не давал о себе знать, ни разу не позвонил, не пришел, следовательно, глупо рассчитывать на возобновление отношений. Кстати, вы замужем?

– Нет и не собираюсь, – сухо проронила Лера, – Виктор хочет убить меня. Байкер и прочие несчастные случаи были инсценированы им.

Нора сложила вместе газету и снимки, сунула их в ящик стола и с легким раздражением сказала:

– Дорогая моя, ну с какой стати Виктору охотиться за вами? Он и думать забыл о первой жене.

Лера сгорбилась в кресле.

– Вы сейчас совершенно случайно коснулись самого острого момента, – объяснила она, – мы не разводились с Виктором, он же покончил с собой.

– Хорошо, – кивнула Нора, – пусть так, какая разница?

– Большая, – вздохнула Лера, – в то время, когда мы были знакомы, Виктор страстно мечтал о богатстве, причем ему хотелось получить его просто так, даром, без всяких усилий. Пойдем с ним в кино, а там герой наследство получает. Витю прямо перекашивало, идет потом и вздыхает: «Да уж, везет дуракам! А у меня ни одного богатого родственника!» И так постоянно.

– Ну и что? – дернула плечом Нора.

– А то! – воскликнула Лера. – Он небось каким был, таким и остался, а я разбогатела, обо мне писали газеты, «Артемон» многократно показывали по телику, я рассказывала о салоне, собаках. Понимаете, лицо Валерии Ермиловой стало приметным, а я, между прочим, тоже не слишком изменилась.

– Замечательно выглядите, – подтвердил я, – на свадебном фото кажетесь даже старше, чем сейчас!

– Просто перед походом в загс я сделала отвратительную прическу, – вяло улыбнулась Лера.

Нора бросила на меня сердитый взгляд, стало понятно,

что только присутствие клиентки спасло несчастного Ивана Павловича от жестокой расправы.

– Ну и при чем тут ваша слава? – резко спросила хозяйка.

– Виктор всегда мечтал получить деньги просто так, – протянула Лера, – небось увидел где-нибудь меня, успешную, богатую, и понял: вот он, уникальный шанс! Надо убить Валерочку и предъявить свои права на наследство. У меня родственников никаких. Мама умерла, детей и мужа не имею, живу одна. Никто и оспаривать имущественные претензии не станет!

Нора поморгала, покашляла, а потом заявила:

– Глупости!

– Вовсе нет, – стояла на своем клиентка, – брак-то не аннулирован, следовательно, Виктор до сих пор мой муж!

– Ерунда! Его же признали мертвым.

– Не знаю.

– Как это? Свидетельство о смерти вы получали?

– Нет.

– Почему?

– Всеми формальностями занималась свекровь, – пояснила Лера, – она моей матери заявила: «Имейте в виду, Валерия тут ни при чем. Жена! Смешно! Браку всего неделя! Она погубила моего сына». Мне было плохо, я лежала в больнице, лишь через год в себя пришла. До сих пор я не знаю, что с документами.

– Вот глупость! – Нора стукнула кулаком по столу. – Более

идиотское поведение и представить трудно. А если бы вам еще раз замуж выйти захотелось?

Лицо Леры слегка порозовело.

– Так ведь этого не случилось! Впрочем, не знаю, как поступила бы в подобном случае. Свекровь-то тоже умерла.

– Больше всего на свете меня раздражает глупость, – рявкнула Нора, – терпеть не могу людей без мозгов!

Щеки Валерии вспыхнули огнем.

– Надеюсь, вы не обо мне сейчас говорите!

– Что вы, – начал было я, но Нора словно с цепи сорвалась.

Я молча слушал ее обличительную речь. Иногда моя хозяйка слетает с катушек. По какой причине у нее начинается приступ злобы, для меня, не один год живущего около Элеоноры, остается тайной. Порой кое-кто из людей доводит ее до настоящего иступления. Справедливости ради следует отметить, что в отличие от моей маменьки Николетты, которая по десять раз на дню принимается визжать и сучить ногами, у Элеоноры такие припадки случаются раз в два года, а то и реже. И потом, Николетта, грубо оборав вас, никогда не испытывает никаких угрызений совести, для маменьки крик – физиологическая потребность. Людям необходимо пить, есть, ходить в туалет, а Николетте надо проораться, она тут же забывает о том, что недавно обрушивала на голову ни в чем не повинного человека грома и молнии, и обижается, если люди больше не желают с ней общаться. Элеонора иная. В гневе она страшна. Может ударить или швырнуть в

вас пепельницу, пресс-папье, настольный календарь. В этот момент моя хозяйка не способна управлять собой, злость затмевает ей разум, но потом, когда безудержная ярость испаряется, Норе делается стыдно, и она начинает извиняться. Муки совести, которые испытывает бедная Нора, по накалу страстей равны взрыву ее же бешенства. И, что самое неприятное, я не понимаю, что провоцирует такие припадки.

Вот и сейчас, с какой стати Элеонора налетела на Леру? Да, я согласен, ситуация, изложенная девушкой, выглядит откровенно идиотской, но в этом кабинете сидели люди, рассказывавшие и более глупые вещи, однако хозяйка выслушивала их спокойно. Иногда она отказывает клиентам, чаще соглашается на работу, но орать столь ужасным образом ни разу себе не позволяла.

Лера встала и, не говоря ни слова, пошла в прихожую, я бросился за ней.

– Валерия!

Она взялась за ручку двери.

– Вы работаете с сумасшедшей.

– Нет, нет, просто Нора плохо себя чувствует, у нее давление, – заблеял я, – приходите завтра. Вот увидите, все будет по-другому.

Лера хмыкнула:

– Похоже, вы довольно милый человек.

– Нора великолепный специалист.

– Может быть.

– Но такое случается... иногда...

– Она слишком стара для климактерических заморочек, – отрезала Лера, – и потом, я же не просила бесплатно заниматься моим делом.

Я молчал. А что было сказать?

– Ладно, – тихо закончила Лера, – значит, не судьба.

– Приходите завтра, – повторил я.

– Маловероятно, – покачала головой Лера, – не люблю, когда меня оскорбляют.

Оставив за собой тонкий запах духов, она шагнула было на лестницу, но в последний момент притормозила.

– Посоветуйте мне какого-нибудь частного детектива.

Я протянул ей визитную карточку с координатами «Ниро».

– Вверху два телефона, первый мобильный Норы, второй мой, внизу еще один номер, это сюда, в квартиру. Позвоните мне завтра, около двух, подскажу, к кому обратиться.

Лера положила визитку в карман.

– Завтра? Спасибо, конечно, но, как поется в одной песне: «Завтра нас просто может не быть под этими звездами!»

Я почувствовал легкое раздражение.

– Неуместный пессимизм. С какой стати вам, молодой и здоровой, умирать?

– Всякое случается, – пожала плечами Лера, – вдруг кирпич на голову упадет!

Проводив клиентку, я вернулся к Норе в кабинет и сказал:

– Ну вы даете! Чуть не разорвали бедную девушку в тряпки.

– Ничего, – тяжело дыша, ответила Нора, – переживет.

– За что вы ее так? – не успокаивался я.

– Терпеть не могу брюнеток-идиотов, рассуждающих о всемирной славе! – рявкнула Элеонора. – Она стрижет пуделей? Вот пусть и занимается собаками, нечего у занятых людей время отнимать. А ты, Ваня, несостоявшийся престарелый Казанова, ступай разбирать почту! Ясно?

Я кивнул и пошел в свой кабинет. Приступ ярости, похоже, принял затяжной характер. В момент злости Элеоноре лучше не попадаться на язык, впрочем, он у хозяйки и в обычном состоянии словно змеиное жало, яд так и капает с него. Хотя вроде бы у пресмыкающихся отравы в зубах, языком они не жалят. Несостоявшийся престарелый Казанова! Очень обидно, потому что несправедливо. Почему престарелый? Я не так давно справил сорокалетие. Отчего Казанова? Никогда не коллекционировал женщин и не укладывал их в свою постель ради спортивного азарта. Я, как это ни смешно, романтик в душе, мне надо испытывать к даме хоть какие-то чувства. И уж совсем оскорбительно определение «несостоявшийся». В отличие от Гриши я просто не люблю распространяться о своих победах на ниве любви. Но, поверьте, если я составлю список своих любовниц, он будет очень длинным, и там окажутся весьма достойные имена. Вот, допустим, Елена... Впрочем, простите, настоящий

джентльмен не станет трепаться на столь щекотливую тему, тем более что Елена замужем.

Засунув обиду поглубже, я сел за работу. День полетел без каких-либо потрясений. Читал почту, отвечал на письма, потом поехал по мелким поручениям, в девять вечера отправился в гости вместе с Николеттой. Одним словом, до кровати добрался в час и, упав в нее, мигом заснул.

– Ваня, – ткнул меня кто-то в бок.

Я сел и увидел Нору.

– Который час? – вырвалось у меня.

– Пять утра, просыпайся.

– Зачем?

– Будем работать.

– В такую рань? – удивился я.

– Да, – мрачно ответила Нора, – да, боже, как я виновата.

– Что случилось? – недоумевал я.

Нора сдвинула брови:

– Лера умерла, та самая, что приходила к нам вчера утром.

Перед смертью она успела позвонить мне на мобильный. Я схватила трубку, спросонья не понимая, кто и с какой стати трезвонит. А оттуда голос такой ровный: «С вами говорить хотят».

Элеонора воскликнула:

– Да в чем дело, черт возьми!

И тут же услышала очень тихий, прерывающийся голос.

– Убил... он... найдите... он!

Потом раздалось бульканье, звон и снова бесстрастный голос спросил:

– Вы Валерию Ермилову знаете?

– Встречались! – машинально буркнула Нора, которой было неприятно вспоминать случившуюся с ней истерику.

– Это она вас сейчас вызывала, – пояснила женщина, – очень просила, вот я и дала ей трубку.

– Что случилось? – подскочила Нора.

– Умирает она, – объяснила собеседница, – не жилица совсем, может, час какой протянет.

– Кто вы? Где Валерия? – быстро спросила Нора.

– Так из Склифосовского я, – сказала тетка, – с улицы ее привезли, с черепно-мозговой травмой. Подробностей не знаю. Может, хулиганы напали, а может, кирпич на голову упал.

– Кирпич на голову упал, – повторил я, – она так и сказала, уходя: «Завтра нас просто может не быть под этими звездами. Вдруг кирпич на голову упадет».

Глава 3

Раскаяние, охватившее Элеонору, не описать словами. Не слушая моих совершенно разумных высказываний на тему «сейчас еще очень рано», она выпихнула меня на улицу, велел:

– Как только узнаешь в клинике подробности, сразу звони.

Я направился к машине. Утренняя свежесть пробралась под куртку, по спине прошел озноб. Может, кто-нибудь просто подшутил над Элеонорой, а Валерия сейчас мирно спит в своей кровати? Встречаются иногда люди, обожающие идиотские шутки!

Но в Склифосовского мне сразу подтвердили: да, ночью сюда привезли Валерию Ермилову, и она умерла. Никаких проблем с установлением личности покойной не было. Она сама сумела назвать перед смертью свое имя, а в ее сумочке лежали документы: паспорт, права и парочка квитанций.

Все подробности мне излагал хмурый доктор. Повертев в руках удостоверение сотрудника «Ниро», врач стал еще более мрачным.

– Что она говорила перед смертью? – спросил я.

Доктор взял со стола скрепку и, ломая ее, ответил:

– Да ничего, мне уже ничего.

– А с кем она общалась?

– Поговорите с Ингой Вадимовной, это наша медсестра.

– Это возможно сейчас сделать?

Врач кивнул и, взяв телефонную трубку, буркнул:

– Зайди.

– От чего она скончалась? – не успокаивался я.

– Черепно-мозговая травма, несовместимая с жизнью.

– На нее правда кирпич упал?

Доктор пожал плечами:

– Не уверен, что именно кирпич, но увечье нанес тяжелый предмет.

И тут в кабинет вошла женщина лет пятидесяти с суровым выражением на лице.

– Этот человек из милиции, – сообщил доктор, – у него к вам вопросы.

Врач встал и ушел, не попрощавшись.

– Слушаю, – продолжая стоять, проронила Инга Вадимовна.

– Я не из органов, представляю частное детективное агентство.

– Мне все равно, откуда вы, раз Геннадий Петрович велел ответить на вопросы.

– Валерия Ермилова...

– Она умерла.

– Что она говорила перед смертью?

– Ничего.

– Но она позвонила нам по телефону.

Лицо Инги Вадимовны стало более приветливым.

– А-а... да! Это ваш номер я набирала? Но там ответила женщина!

– Это моя хозяйка. Значит, Валерия перед смертью пришла в сознание?

Инга Вадимовна кивнула:

– Да. Я снимала с нее одежду, а она вдруг так четко произнесла: «В сумочке визитка и мобильник, позвоните скорей».

– Вы не удивились? Такая травма – и вдруг разумная речь?

Инга Вадимовна вздохнула и села на место доктора.

– Нет, просто я поняла, что жить ей осталось совсем немного. Тридцать лет тут работаю и очень хорошо знаю: в преддверии смерти у многих людей откуда ни возьмись берутся силы. Очевидно, организм, борясь за существование, выплескивает последние ресурсы.

– Хорошо, пусть так. И что вы сделали?

– Набрала номер, – спокойно продолжала Инга Вадимовна, – а потом приложила ей трубку к уху.

– Дальше?

– Все. Ее увезли в операционную, там она и умерла, на столе. Повезло ей.

– Хорошенькое везение, – возмутился я.

Инга Вадимовна вытащила из кармана халата пачку сигарет и повторила:

– Повезло, ушла без мучений. Я могла бы вам показать палату реанимации, вот тогда бы вы поняли, каково людям

приходится. «Легкой жизни я, дурак, просил у бога, легкой смерти надо бы просить». Не помню, кто из великих это написал, но суть верно схвачена.

– А что еще вам говорила Валерия?

– Ну... пару раз прошептала: «Он... он... убил...» И все. Впрочем, слова могут ничего не значить, в таком состоянии люди неадекватны.

Я переписал из паспорта Валерии ее адрес, вернул документ Инге Вадимовне и, попрощавшись, собрался уходить.

– Вспомнила! – вдруг воскликнула медсестра.

Я остановился как вкопанный.

– Что?

– Когда ее везли в операционную, она вдруг громко так произнесла: «Смерть пришла от них. За что? Они меня выгнали!»

Я вздрогнул:

– Это все?

– Да, больше ни словечка не проронила!

Услышав мой рассказ, Элеонора стала мрачнее некуда. Я специально не сообщил ей последнюю фразу, сказанную Валерией. Побарабанив пальцами по столу, хозяйка спросила:

– Все?

– Да, – осторожно кивнул я, вжимаясь в спинку кресла.

– Больше ничего?

– Нет.

– Совершенно?

– Абсолютно, – ответил я и смело взглянул хозяйке в глаза.

– Говори, – велела она, – все до конца.

– Я выложил информацию полностью.

– Не ври, – буркнула Нора, – у тебя это плохо получается, я слишком хорошо знаю, ты вычитал где-то, что люди, когда лгут, отводят взгляд в сторону, и теперь, если врешь, всегда ешь меня глазами.

– Я передал суть, остальное абсолютно несущественно!

– Изволь тебе напомнить, что ты ноги, а я голова, – процедила Нора.

Пришлось озвучить последние слова Леры.

– Они к вам не имеют никакого отношения, – я постарался смягчить удар. – Валерия ушла от нас около полудня, несчастье с ней случилось ночью. Скорей всего, она с кем-то вечером поругалась, ее выгнали вон... Фраза была адресована не нам, а тем людям, знакомым.

– Замолчи, – велела Нора.

Потом она подрулила на кресле к бару, вытащила коньяк, налила в пузатый бокал, залпом выпила, закурила папиросу и уставилась в окно.

– Не переживайте, – я попытался хоть как-то утешить хозяйку, – это просто ужасное стечение обстоятельств, но вашей вины тут нет!

Внезапно Нора резко повернулась ко мне:

– Иван Павлович, знаешь, почему я основала «Ниро»?

– Ну... вы любите детективы, Рекса Стаута в особенности.

Мне он, кстати, тоже нравится.

– По поводу любви к криминальным романам правда, – кивнула Нора, – но есть еще одно обстоятельство, я о нем никогда никому не рассказывала.

Когда мне было семнадцать лет, сам понимаешь, в те годы ноги у меня великолепно ходили и внешне я была вполне даже ничего, влюбился в меня один паренек.

...Костик буквально сох по Норе, а та не обращала внимания на парня, и тогда он придумал забаву. Он звонил ей вечером, в районе девяти, и сообщал:

– Я решил из-за тебя покончить с собой, прощай, сейчас прыгну с седьмого этажа!

Услышав в первый раз подобное заявление, Элеонора, не чуя под собой ног, кинулась к Косте. Парня она нашла на подоконнике, кое-как успокоив влюбленного, Нора ушла домой. Она-то думала, что инцидент исчерпан, ан нет, через неделю ситуация повторилась, а затем такие звонки стали нормой. Примерно два раза в семь дней Нора носилась спасать потенциального самоубийцу. Ей, конечно, стало понятно, что Костя придушивается. Тот, кто на самом деле решил свести счеты с жизнью, никогда не станет торжественно предупредить о задуманном окружающих. Следовало твердо сказать Косте:

– Хватит, я больше не приду.

Но у Норы в душе все же жил страх: а вдруг Костик, услышав эти слова, и впрямь сиганет вниз? Только потому она и бегала на его зов.

Особую пикантность положению придавал тот факт, что у Норы был роман с Юрой Куприяновым. Естественно, ее кавалер возмущался и запрещал любимой бегать к Косте. Нора чувствовала себя гаже некуда. С одной стороны, любимый, устраивающий сцены ревности, с другой – Костя, вполне способный покончить с собой. Вся школа была в курсе событий, кое-кто из ребят и учителей ругал Костю, но тот лишь отвечал:

– Я люблю Нору и жить без нее не стану.

События достигли кульминации под Новый год. Юра не выдержал и прилюдно на большой перемене поколотил Костика. А тот, когда дежурные растащили драчунов, заявил:

– Я тебе отомщу!

Вечером Юра поставил Норе ультиматум:

– Или сейчас же звонишь идиоту и объясняешь, что более никогда к нему не придешь, или конец нашей любви.

Естественно, Нора схватилась за трубку.

– Это Юрка тебя вынудил, – закричал Костик, – ладно, я сам умру и его приберу!

– Да пошел ты, – рявкнула доведенная до крайности Нора, – прыгай поскорей, надоел!

На следующий день Юра, увидав Костю, ехидно спросил:

– Чего же не слетел вниз? А?

Костя молча прошел мимо него, а Нора успокоилась. Значит, все были правы, отвергнутый поклонник просто пугал ее.

Через две недели Костя покончил с собой. Не выпрыгнул из окна, как постоянно обещал, а отравился. Нора рыдала так, что у нее в глазах полопались кровеносные сосуды и все белки стали алого цвета. Спустя десять дней по школе пронеслась новая весть: Костя не сам ушел из жизни, ему подсыпали яд, а сделал это... Юра.

Нору вызвали в милицию. Следователь спокойно растолковал ей суть дела: у Юры нет никаких шансов избежать возмездия, слишком много неопровержимых улик, подтверждающих его злой умысел. Юра, правда, кричит о своей невиновности, но ему, естественно, никто не верит. Нора должна попытаться уговорить своего Ромео признаться.

– Пойми, – убеждал ее милиционер, – чистосердечное признание облегчает вину, суд учтет искреннее раскаянье.

Нора только кивала в знак согласия, привели Юру. Свидание вышло ужасным. Куприянов отрицал все, а под конец спросил:

– Ты мне не веришь?

– Верю, – дрожащим голосом соврала Нора и, не удержавшись, спросила: – А как же улики?

Юра посмотрел на любимую и замолчал. Так его и увел конвой, безмолвного.

Суда не было. Куприянов покончил с собой в камере. Но-

ра загремела в больницу, потом ушла из школы. Но основной удар ждал ее впереди.

Через год, в день смерти Кости, в почтовом ящике Нора нашла письмо. На конверте было напечатано: «Привет для Норы». Девушка, не думая ни о чем плохом, вскрыла конверт и увидела почерк Кости.

Парень написал, как запланировал собственное убийство, каким образом фабриковал и подбрасывал улики, изобличающие Юру, как сам принял яд.

«А теперь ты живи с мыслью о том, что убила меня и посадила Юру», – такой была последняя фраза послания.

Навряд ли следует описывать чувства, охватившие Нору. Взяв письмо, она понеслась в милицию. Следователь нехотя, лишь из жалости к Элеоноре, взял бумагу, развернул и увидел чистый лист. Потом, уже спустя много лет, Норе объяснили, что послание было написано особыми чернилами, исчезающими после того, как на бумагу попали лучи света. Константину явно помогал кто-то из хороших химиков, и при желании можно было найти этого человека. Только Нору из милиции выставили вон, никто не собирался вновь открывать давно закрытое дело.

Я молча выслушал хозяйку. Та отъехала от окна и сказала: – Вот с тех пор я и решила: обязательно стану кем-то вроде Шерлока Холмса, чтобы помогать людям, попавшим в подобные ситуации. Жаль, что поздно сумела осуществить

свое намерение. Но теперь «Ниро» работает, и мы найдем доказательства вины Виктора. Справедливость должна восторжествовать. Да. Он полагает, что очень хитро спрятался, но я еще хитрее.

– Нора, – начал было я, но тут из прихожей донесся звонок.

– Ваня, – сказала хозяйка, – ступай посмотри, кого там принесло. Если клиент, сразу его заворачивай, у нас уже есть работа.

– Но...

– Иди, Ваня, – перебила меня Нора, – я очень виновата перед Валерией и обязана искупить свою вину.

Я послушно поплелся в переднюю. Да уж, нечего сказать. Теперь Нора начнет землю носом рыть, чтобы найти ответ на вопрос: кто и почему убил Леру Ермилову?

Звонок продолжал трещать, я распахнул дверь. На лестничной клетке маячила парочка: мужчина и женщина, в одинаковых куртках из серой плащевки.

– Здравствуйте, – я быстро навесил на лицо вежливую улыбку, – вы к кому?

– Мы к Элеоноре, она ведь тут проживает? – спросил мужчина.

– Да, – кивнул я.

– Она дома?

– Вы по какому вопросу?

– Может, в дом вначале впустите? – визгливо поинтересовалась женщина. – Не на лестнице же болтать? Неудобно ведь!

– Входите, пожалуйста, – вспомнил я о хорошем воспитании.

Баба шагнула в прихожую, но мужчина внезапно схватил ее за плечо.

– Вера! Стой! С левой ноги пошла!

К немалому моему удивлению, тетка вернулась на площадку и предприняла еще одну попытку войти, на этот раз она ступила на коврик правой ногой. Мужчина тоже просочился в прихожую и начал стаскивать с себя куртку. Я вспомнил о наставлениях хозяйки и рывкнул:

– Элеонора сейчас не принимает.

Вера хмыкнула:

– Не принимает! Чисто президент. Слыхал, Николай? Не принимает! А вы ей кто?

– Разрешите представиться, – я решил соблюсти протокольную вежливость, – Иван Павлович Подушкин, секретарь.

Вера быстро выскользнула из своей куртки.

– Видно, секретов у Неры много, коли секретаря завела.

– Вы ей скажите, – мирно попросил ее спутник, – что приехали Вера и Николай Пыжовы.

– На сегодня прием клиентов закончен, – решительно заявил я, – и на завтра тоже, вот визитка, звоните недели через

три.

– Клиентов? – изумилась Вера. – Чем же Нора занимается? Я ее родная племянница.

От удивления у меня защипало в носу.

– Племянница? Первый раз слышу, что у Норы имеются родственники, – весьма невежливо ляпнул я.

Николай надулся:

– Да уж!

– Позовите Нору, – железным тоном сказала Вера.

Я вошел в кабинет к хозяйке и промямлил:

– Там...

– Сказала же, отправляй всех восвояси!

– Они...

– Некогда мне.

– Приехали Вера и Николай Пыжовы!

Нора выронила ручку.

– Кто?

– Николай и Вера, она уверяет, что является вашей племянницей. – Я окончательно растерял светское воспитание.

Нора молча посадила на нос очки и без слов вырулила из кабинета, я пошел за ней следом.

– Норочка! – воскликнула Вера. – Сколько лет, сколько зим, а ты все не меняешься.

– Да, – эхом отозвался Николай, – не меняешься.

– Добрый день, – ответила Нора, – чем обязана?

– Ой, как официально! – взвизгнула Вера. – К чему та-

кие фразы! Мы ведь родственники. Вот, приехали тебя навестить! Соскучились!

– Да уж, – усмехнулась Нора, – не прошло и десяти лет, как вас охватила тоска по мне. Что на этот раз? Насколько я помню, прошлый ваш визит был связан с поступлением Кати в институт.

Вера пригладила волосы.

– Так и будешь нас у вешалки держать? Хоть чаю предложи! Право, неприлично как-то, мы с дороги, очень устали.

– Катю ты, кстати, в общежитие выселила, – протянул Николай.

– Конечно, – кивнула Нора, – иногородние студенты имеют на это право.

– У тебя-то попросторней, чем в общеаге, – не успокаивался Николай.

Нора выпятила нижнюю губу, я испугался, что на нее сейчас вновь накатит приступ ярости, но хозяйка неожиданно вполне миролюбиво сказала:

– И правда, пойдете в гостиную. Ваня, вели Лене туда чай подать.

– Только пусть без ситечка наливает, – оживился Николай, – если в чашке чайники плавают, это к большим деньгам.

Глава 4

Я оставил Нору наедине с родственниками, а сам пошел в свою комнату и взялся за книгу. Но чтение не успокаивало. Какое-то время я пытался въехать в суть романа Пелевина, потом отложил томик. Нет слов, этот автор один из лучших писателей России, еще он мне нравится как личность, не мелькает постоянно на телеэкранах, не дает интервью, не пускает к себе журналистов, в общем, не хочет дешевой «желтой» славы. Наверное, считает, что литератор должен привлекать к себе внимание творчеством, а не рассказами о цвете своих трусов. И здесь я с ним вполне солидарен, только сейчас отчего-то хочется чего-нибудь необременительно-легкого, вроде Рекса Стаута.

Дверь распахнулась, Нора вкатилась в комнату.

– Ваня, поезжай в «Громвест», отыщи там адрес Федора Максимовича Приходько и узнай, кем ему приходится мужчина, который на Лариной фотографии стоит с букетом: имя, фамилия, отчество. Ну, сам понимаешь. На, возьми с собой газету со снимком, хорошо еще, что я ее у себя оставила, даже не знаю почему.

Я кивнул:

– А кто те люди, которые к вам приехали?

Нора хмыкнула:

– Я все ждала, когда же в Иване Павловиче вылезут гены

Николетты. А ты, мой друг, любопытен, как и маменька.

– Простите, право, я случайно спросил.

– Ладно, это ты меня извини. Слишком много неприятных событий за короткий отрезок времени, – улыбнулась Элеонора. – У меня была сестра, ты с ней незнаком. Мы практически не общались, хоть и являлись родней. В прежние годы моя сестричка удачно вышла замуж за партийного начальника, секретаря обкома КПСС. Если помнишь советские времена, то знаешь, какая это величина. В провинции секретарь обкома царь и бог. Вот и получилось, что Надя стала обеспеченной, взлетела наверх, а я была нищета горькая, без всяких перспектив. Как-то раз, в минуту слабости, я поехала к сестрице и попросила денег в долг. Она мне ни копейки не дала, еще и отчитала: дескать, не следует к ней заявляться, своим внешним видом сестру позорить. Вот больше я и не ездила к родне, помощи от них не ждала.

Нора расправила плед, прикрывающий ее ноги, и ухмыльнулась:

– Только жизнь-то длинная и разная. Потом все перевернулось. Секретарь вместе со своим обкомом канул в Лету, а у меня бизнес пошел, мы местами поменялись. Рокировка произошла, я наверху оказалась, а Надюша внизу. Вот тут в ней сразу родственные чувства проснулись, зачастила она в Москву. Правда, недолго ездила, умерла, зато Вера, дочь ее, по шесть раз в год заявлялась, а потом исчезла. Последний раз она дочку привозила, та в вуз поступала. Родители

решили, что я ее у себя поселю, но обломалось им. В общем, поживут они тут до вечера, один день, я им гостиницу потом сниму.

– А что за причина их нынешнего визита?

Нора захихикала:

– Николай книгу написал, хорошее название придумал: «Дьявол ест твое тело»!

Я поежился:

– Детектив?

– Нет, пособие по самоочищению, – развеселилась Нора, – ладно, езжай в «Громвест».

Оказавшись в машине, я хотел завести мотор, но тут зазвенел мобильный. Решив, что Нора забыла отдать мне какие-то указания, я схватил трубку и услышал голос своего хорошего друга Жени Милославского.

– Привет, Иван Павлович!

– Добрый день, – ответил я и сунул ключ в зажигание.

– Чего подельываешь?

– По делам еду.

– Интересным?

– Извини, не понял.

– Дела интересные?

– Да так, обычные.

– Новый клиент?

– Скорей клиентка.

Послышался смешок, покашливание и неразборчивое

бормотание.

– Женя, я не слышу тебя.

– Молодая хоть клиентка или старый гриб?

– Нечто среднее.

– Жаль, – посмеивался Женька, – а то мы тут с Гришей решили оторваться, думали, может, ты к нам присоединишься? Вместе с клиенткой. А как ее зовут?

– Валерия, – машинально ответил я и спохватился: – Жень, не могу, занят.

– Отложить дела никак не удастся, а? – зудел Милославский.

– Нет.

– Скучный ты парень, Иван Павлович, – буркнул Женька. – Ладно, вдвоем повеселимся, а ты кисни.

Я положил трубку на сиденье. Женя и Гриша врачи, мы общаемся много лет, с раннего детства. Наши родители приятельствовало, все они имели отношение к миру литературы. Отец Женьки был крупный переводчик, мать поэтесса, а у Гриши папенька преподавал русскую литературу, а матушка работала в Центральном доме литераторов администратором. Одно время я думал, что мы втроем поступим в Литературный институт, но приятели решили стать врачами. Профессию они выбрали правильно и теперь стали великолепными специалистами. А еще и Женя, и Гриша самозабвенные ходоки по женской части. Оба сбегали в загс по два раза и теперь находятся, так сказать, в свободном поле-

те. Если честно, они похожи, как братья, и порой раздражают меня. Но ведь друзья детства сродни близким родственникам, кое на что после многолетнего общения перестаешь обращать внимание. Значит, холостяки решили удариться в загул, странно, что они предложили и мне принять участие в своих развлечениях, оба знают, что я не большой любитель посиделок с девицами. Вот в бильярд пошел бы играть с удовольствием, но увы, надо ехать в фирму «Громвест».

Честно говоря, я полагал, что фирма с подобным названием имеет отношение к метеорологии или торгует оборудованием для взрывных работ. Но «Громвест» оказался всего лишь пятиэтажным магазином мебели. Федора Максимовича тут, похоже, знали все, потому что первая же пойманная мною девочка-продавщица на вопрос: «Где найти Приходько?» – бодро отрапортовала: «Вверх по эскалатору, на последний этаж, отдел VIP-мебели».

Я пошел по огромному залу, забитому диванами и креслами. Редко брожу по магазинам, в те, что торгуют мебелью, не заглядывал вообще и сейчас был немало удивлен. Все вокруг оказалось заставлено разнообразными изделиями из кожи, велюра, пластика, дерева. Кажется, гигантский выбор, на любой вкус, но, присмотревшись, хорошо понимаешь: взять нечего, все одинаково, по большей части вульгарное, не слишком высокого качества. Может, я сейчас нахожусь в отсеке для малоимущих покупателей? Может, цена

этой дряни просто смехотворна? Я подошел к журнальному столику самого мерзкого вида. Толстая стеклянная столешница покоилась на черных ножках из пластика. Ну и сколько стоит сие уродство, похожее на коробку, в которую рачительные хозяйки складывают еду перед тем, как убрать ее в холодильник? Понимаете, о чем я веду речь? Стеклянный ящичек с пластиковой окантовкой, снизу, чтобы он не скользил на полу, приделаны четыре пупырышка.

Глаза наткнулись на ценник. Пятнадцать тысяч шестьсот рублей. Я еще раз изучил табличку и старательно пересчитал цифры, решив, что ошибся, эта дрянь не тянет на такую сумму. Наверное, за нее хотят тысячу пятьсот шестьдесят рублей, хотя, на мой взгляд, и это бессовестно дорого. Красная цена поделки три сотни, ну ладно, пять.

– За сколько можно приобрести этот столик? – поинтересовался я у тосковавшего рядом продавца.

– Пятнадцать тысяч шестьсот, – ответил он, – берите, недорого.

Я шарахнулся в сторону. Наверное, я выпал из действительности. Впрочем, пришел я сюда не за покупками.

Федора Максимовича я узнал сразу, он был точь-в-точь такой, как на фото: кругленький, лысый, смахивающий на бегемота.

– Не помешал? – спросил я.

Приходько мигом встал из-за стола.

– Слушаю вас. К чему интерес имеете? Столовая, гостиная или, может, детская комната?

Я улыбнулся:

– Думается, в детских вы сейчас особенно хорошо разбираетесь. Кстати, поздравляю вас с внуком.

– Спасибо, – зарделся, аки маков цвет, Приходько, – такой пацанчик! Узнаёт меня, улыбается, просто душа радуется.

Потом он спохватился:

– Простите, разве мы знакомы?

– Нет.

– Тогда откуда вы про Феденьку узнали?

– Газета ваша попалась, корпоративная, там фото.

Федор Максимович ткнул пальцем в стол.

– Эта?

Я увидел под стеклом знакомый снимок.

– Точно. Очень хорошая фотография.

– Всякому приятно внимание, – гордо сказал Приходько, – вот прислали журналиста, прямо праздник мне устроили. Народ до сих пор поздравляет. Даже кое-кто из постоянных клиентов позвонил.

– Вы всех на снимке знаете? – спросил я.

– Конечно, – удивился вопросу Федор Максимович, – семья же, жена, зять, дочь моя, а это свекровь ее. В общем, все свои, посторонних не звали. Вы к какой мебели интерес имеете?

Я снова улыбнулся:

– Федор Максимович, мне ваша помощь нужна, вот, смотрите.

Приходько уставился на мое удостоверение.

– Из милиции, что ли?

– Нет, из частной структуры, агентство «Ниро».

Продавец снял очки.

– И что?

– Вот на фотографии сбоку мужчина с букетом.

– Вижу.

– Он кто?

– Понятия не имею.

– Как это? – изумился я. – Он же снят вместе с вашей семьей. Сами только что сказали: никого посторонних не было.

– Верно, – кивнул Приходько, – только этот тип в кадр случайно попал. В родильном доме всех в одно время выписывают, с двух до четырех. Комната маленькая, медсестра одна туда-сюда ходит, младенцев выносит. Народу много набилось, этот мужчина кого-то другого встречал. В газете тоже решили, что он из наших, раз близко стоит, я не стал их разочаровывать. Так уважили, репортера прислали, ну попал чужой в кадр, и что теперь? Возмущаться? И почему он всем нужен!

– Кто? – удивился я.

– Да мужик этот. Про него меня уже расспрашивали.

– Кто? – снова, еще более изумившись, повторил я.

Федор Максимович пожал плечами:

– Пришел ко мне покупатель, кровать он смотрел, все матрасы перешупал, а потом воскликнул: «Откуда мне ваше лицо знакомо. Эй, постойте, это же вы!» И газету протягивает!

Федор Максимович уставился на издание.

– Верно, – кивнул он, – в родильном доме снимали. Это моя дочь, Алена, теперь по фамилии Сытник.

– Зять у вас красавец, – улыбнулся покупатель, тыча пальцем в мужика с букетом.

Приходько улыбнулся и объяснил, что это посторонний человек, случайно попавший в кадр. Родственник какой-то другой роженицы, не имеющий никакого отношения к семье Приходько–Сытник.

Я улыбнулся:

– Люди порой бывают очень глупы! Ясно же, что молодой отец держит ребенка! Значит, вы не знаете имени мужчины на фото?

– Откуда!

– А где именно ваша дочь рожала?

– Здесь недалеко, – махнул рукой Федор Максимович, – роддом в двух шагах. Налево свернете, вдоль зеленого забора...

– Какого числа внука забирали?

– Шестнадцатого февраля, – отчеканил Приходько, – такую дату не забыть.

Я попрощался с ним и пошел к эскалатору, на глаза попался тот же столик из стекла с пластиком. Посередине сто-

лешницы красовался ценник: 150 600 рублей.

– Федор Максимович, тут ошибка, – не выдержал я, повернувшись к Приходько.

– Что такое? – насторожился продавец.

– Столик...

– Хорошая вещь, качественная.

– Смотрите, сколько он стоит!

– Сто пятьдесят тысяч с мелкими рубликами.

– Правда? – изумился я. – Но за точно такой же на первом этаже хотят пятнадцать тысяч!

Лицо Приходько приобрело загадочное выражение.

– Знаете, молодой человек, – вкрадчивым голосом начал он, – внизу мебель для всех, простой вариант для покупателя с тощим кошельком, честно признаться, не слишком высокого качества, но ведь малоимущим тоже требуется на чем-то спать, сидеть, вот мы и стараемся для людей. А у меня VIP-отдел, здесь представлен эксклюзив. Стекло у нас алмазной огранки, с большим содержанием свинца, рама сделана из нового поколения пластика, его применяют в ракетостроении, ножки способны выдержать нагрузку в пять тонн, ясно теперь?

Я кивнул и пошел к эскалатору. Если честно, то мне совсем непонятно: ну зачем ставить на журнальный столик конструкцию весом в пять тысяч килограммов? Он что, предназначен для семьи слонов? Придут гости, мама-слониха водрузит на столешницу слоненка, а тот начнет читать

стихи? Внешне столы и на первом, и на пятом этаже смотрятся как родные братья. И еще, ну с какой стати милейший Федор Максимович решил, что сумма почти в шестнадцать тысяч рублей устраивает неимущего человека?

Продолжая недоумевать, я вышел во двор и позвонил Норе.

– И что, – воскликнула хозяйка, – значит, сегодня? Я готова!

– Вы о чем?

– Ваня, ты?

– Я.

– Извини, я разговаривала с другим человеком, но связь прервалась, срочно приезжай домой.

– Еще что-то произошло? – напрягся я.

– Да, – коротко ответила Нора и отсоединилась.

Я полетел назад со всей возможной скоростью, но путь из-за пробок занял почти полтора часа. Увидев мое встревоженное лицо, Нора вздернула брови.

– В чем дело? Отчего такой вид?

– Вы же сказали, что у нас произошла неприятность!

– Я ни слова не обронила про плохие новости, вечно ты делаешь не те выводы из услышанного, – рассердилась Нора, – немедленно измени выражение лица!

Я постарался улыбнуться. Измени выражение лица! Милое требование. Ясно же, что, когда человек слышит слова: «Дома произошло...», он моментально начинает думать о

неприятностях, а не о выигрыше сорока миллионов долларов в лотерею. Так уж устроены люди, сначала мыслят о плохом...

– Я ложусь в больницу, – возвестила Нора, – сейчас ты меня туда отвезешь.

– Господи, вы заболели?

– Нет, наоборот, я вполне здорова.

Я окончательно перестал понимать происходящее.

– Зачем тогда ложиться в клинику? На обследование? Но отчего в такой спешке? Ведь еще утром вы ничего подобного не предполагали.

– Иван Павлович, – ехидно заявила Нора, – если ты сейчас заглушишь в себе Николетту и обретешь способность слушать, я объясню тебе ситуацию. Готов?

– Да, – кивнул я.

– Вот и хорошо, – мирно ответила Нора, – начинаю.

Спустя пять минут я пожалел, что не выпил предварительно кофе, в ушах зазвенело, голова начала кружиться. Скорей всего, давление упало. Впрочем, от полученной информации кому угодно могло стать плохо.

Как вы знаете, Нора давно прикована к инвалидной коляске², но, пообщавшись с моей хозяйкой, большинство людей мигом забывают о том, что имеют дело с полупарализованным человеком. Нора терпеть не может жалости. Ее

² История Элеоноры рассказана в книге Д. Донцовой «Букет прекрасных дам», издательство «Эксмо».

жилье специально устроено так, что никаких бытовых сложностей у хозяйки не возникает. Дверные проемы широкие, а лестница, ведущая с улицы на первый этаж, оборудована пандусом, еще у Норы есть машина, сконструированная по спецзаказу, а в квартире полно всяких приспособлений. То, что для простого инвалида-колясочника является огромной трудностью: поход в туалет, ванную, – для Норы не проблема. У нас везде поручни, а ванная комната имеет площадь двадцать пять квадратных метров. Коляска Норы – это суперсовременный агрегат, способный поднять свою хозяйку вверх, на уровень лица стоящего перед ней человека. В общем, Нора потратила огромное количество времени и денег, дабы стать независимым от обстоятельств человеком, но все равно, ноги-то не ходят.

До недавнего времени врачи только молча разводили руками. Но вот теперь забрезжила надежда. Будучи человеком любопытным, страстно жаждущим снова ходить, Элеонора выписывает кучу специальных медицинских журналов. В одном из них она и вычитала о новом методе. Не стану утомлять вас подробностями, я сам не слишком хорошо понял суть дела. Короче говоря, в позвоночник больного вживляют некое устройство, типа кардиостимулятора, который вшивают сердечникам. Это приспособление генерирует ток, и паралитик начинает ходить.

Впрочем, простой ситуация кажется лишь на первый взгляд. Не следует думать, что Нора наутро после вмеша-

тельства побежит по коридорам. Во-первых, сама операция очень тяжелая, и стопроцентной гарантии успеха никто не дает. Во-вторых, ее стали делать совсем недавно, методика не отработана, что тоже сильно повышает риск. В-третьих, эти операции производят в Америке, стоят услуги хирургов для иностранных граждан просто запредельную сумму, а Норе по каким-то причинам не дали визу. В-четвертых, после вмешательства предстоит необыкновенно тяжелый и болезненный реабилитационный период. Больной должен усиленно тренироваться, разрабатывать ноги. Массаж, физиотерапия, силовые нагрузки, упорство, даже упрямство, лишь тогда можно надеяться на успех, но, повторяю, гарантии удачного исхода никто не дает.

– С силой воли у меня все в порядке, – спокойно объясняла Нора, – с деньгами проблемы нет. Поэтому я списалась с госпиталем, договорилась, что врачи сами прилетят в Москву, раз меня к ним не пускают, ну и... В общем, бригада прибывает послезавтра, а меня сегодня кладут, потому что следует пройти предоперационную подготовку. Анализы всякие, ерунда на постном масле. Я давно знала число, но тебе его не сообщала, дабы избежать твоих жалостливых взглядов и сочувствия! Ненавижу, когда меня считают бедняжкой. Итак, сегодня! Понимаешь? Сегодня!!! Все по плану!

Я кивнул. Понимаю, Нора не из тех, кто будет нюнить и рассказывать о предстоящем визите к хирургу.

– Молодец, – похвалила меня хозяйка, – вопросов не задаешь, и правильно делаешь. Времени у нас немного. Слушай мои распоряжения. Пока я в клинике – ты тут главный, все решения принимаешь самостоятельно. Деньги в сейфе, как его открывать, ты знаешь. Займись делом Ермиловой! Срочно.

– Но...

– Не смей спорить! – повысила голос хозяйка. – Сам проведешь расследование.

– Под вашим руководством.

– Я лягу в клинику.

– Так по телефону будете указания мне давать.

– Нет. От меня требуют соблюдения полнейшей стерильности. Бокс. Никаких книг, газет, телевизора, радио и телефона.

– Да почему?

– Не знаю, на этом настаивают американцы. Так что разбираться тебе придется самому, ты справишься.

– Может, подождем до вашего выздоровления?

– Нет.

– Извините, но...

– Иван Павлович, – рявкнула Нора, – я тебе приказываю! Не смей спорить! Впрочем, коли не желаешь работать – держать не стану, прямо сейчас дам расчет! Ну? Раз, два...

– Только не нервничайте, – быстро сказал я, – как прикажете, так и сделаю, просто я не гарантирую успех.

– Нет, Ваня, – тихо сказала Нора, – не те слова ты произнес. Хочу слышать другие: «Лежи, Элеонора, спокойно, не волнуйся, приедешь домой, а убийца Леры уже сидит в кутузке». Мне сейчас никак дергаться нельзя!

– Хорошо, – тут же согласился я, – считайте, что я произнес эту фразу.

– Вот и ладненько, – кивнула Нора, – а теперь по коням, нас ждут великие дела. Ну, ножки, имейте в виду, я заставлю вас работать.

Я молча пошел в прихожую. Совершенно не сомневаюсь, что к лету она станет бегать на каблуках. Такие люди, как Нора, способны на все.

Глава 5

Клиника, где Элеоноре предстояло лечь на операционный стол, находилась за городом и внешне напоминала что угодно: дорогой отель, пансионат, частный дом, но только не больницу. Меня усадили в роскошно обставленном холле около раскидистой пальмы. Я не удержался и потрогал ствол, дерево оказалось настоящим. Обслуживающий персонал был тут невероятно выдрессирован. Пока Нору переодевали, мне принесли кофе, не отвратительный растворимый напиток, а натуральный – арабику. На подносе, кроме изящной чашечки, стояла серебряная вазочка с дорогим печеньем, а еще мило улыбающаяся администраторша предложила мне мужские журналы на любой вкус, от тех, в которых рассказывается про автомобили, до легкой порнографии.

Нору вывезли примерно через час. На хозяйке был знакомый мне нежно-бежевый халат, волосы ее прикрывала шапочка, похожая на берет.

– Езжай домой, – велела Элеонора.

Сестра, шедшая за креслом, протянула мне саквояж.

– Тут вещи и мобильный.

Я шагнул было к креслу. Честно говоря, я не слишком хорошо понимал, как следует себя вести. Поцеловать Нору? Обнять ее? Но наши отношения никогда не были фамильярными. Она моя хозяйка, а я исполнительный служащий. Но

сейчас ей предстоит операция, тяжелая, даже опасная. Просто уйти? Пожать руку?

Нора хмыкнула:

– Ступай, Ваня. Лобызать меня будешь в гробу.

– Ну и глупости вы говорите, – вскипел я.

– Ты просто не видишь своего лица, – веселилась Элеонора. – Ну просто букет в руки – и на кладбище. Право, я еще не умерла, нет необходимости сейчас размышлять, куда меня приличнее поцеловать в последний раз.

Я тяжело вздохнул: ну разве можно жалеть такого человека?

– Лучше прямо с утра начинай заниматься делом Ермиловой, – напомнила Нора.

Я кивнул. Отчего-то я потерял дар речи. Только сейчас до меня дошло, что, вероятно, я вижу Нору живой в последний раз. Позвоночник дело тонкое, всякое может случиться.

– Поехали, – велела сестре Нора.

Я проводил глазами коляску.

– Кстати, – притормозила Элеонора у двери, – там, в сейфе, завещание, вскрыешь в случае чего.

Мне стало совсем не по себе, я кинулся к хозяйке.

– Нора, погодите!

Она обернулась:

– Не надейся, Ваня. Я еще проживу лет сто, не меньше, а потом, отбросив тапки, превращусь во вредное привидение и стану каждую ночь трясти тебя холодной костлявой ручкой,

приговаривая: «Ваня, не тухни, работай».

Желание обнять Нору испарилось.

– Чао, – хмыкнула хозяйка и исчезла в коридоре.

Я взял сумку и спохватился:

– Как же поддерживать связь с больной?

Администратор мило улыбнулась:

– Она здорова и, надеюсь, станет еще здоровей, когда выйдет, но одним из условий успеха, в котором никто из нашего персонала не сомневается, является соблюдение полнейшей стерильности и психического спокойствия. Поэтому никакого телефона в палате, телевизора, радио, газет.

– Этак с ума сойти можно! Нора не сумеет бездействовать.

– Мы даем пациентам книги из нашей библиотеки, те, что отобрал психолог, – продолжала девушка, – спокойное, милое чтение: Диккенс, Агата Кристи, Дюма, и никаких современных авторов. Вот моя визитка, звоните на ресепшен, получите полнейшую информацию о здоровье Элеоноры.

Я взял карточку и пошел к машине. Однако, в этой больнице работает необычный персонал. Все медработники, с которыми я до сих пор имел дело, были до смешного суеверны. Фразу: «Никто из нас не сомневается в успехе операции» – они ни при каких обстоятельствах произнести не могли. «Если все пойдет так, как задумано», «будем надеяться на положительную динамику» – вот максимально радужные предположения, сообщаемые, как правило, людьми в белых халатах.

Утром я с огромным удивлением увидел на кухне Веру и Николая. Парочка сидела за столом, явно собираясь завтракать.

– Вы это едите? – забыв со мной поздороваться, Николай ткнул пальцем в блюдо с мясной нарезкой.

– Тама все свежее, – поспешила оправдаться домработница Ленка, – не сомневайтесь, в хорошем месте беру, кушайте на здоровье.

– Спасибо, но мы такое не употребляем, – хором ответила парочка.

Я сел на свободный стул, взял кусок белого хлеба, положил на него аппетитный кругляш «Докторской» колбасы и открыл было рот.

– Человек зубами роет себе могилу, – каркнул Николай.

От неожиданности я выронил бутерброд и клацнул челюстями, а Ленка перекрестилась.

– Вот ужас-то! – воскликнула она. – Где же такая страсть приключилась? В газете прочитали? Не осталось ее у вас, я тоже бы посмотрела.

– Не в газете дело, – ответил Николай, – я про Ивана речь веду.

– Вы о чем? – спросил я, снова принимаясь за аппетитный сэндвич.

Супруги переглянулись.

– Ну, поскольку нам теперь целый месяц жить вместе...

– начала Вера.

Откушенный кусок колбасы выпал у меня изо рта.

– Как месяц! – в ужасе воскликнул я. – Элеонора же вчера говорила о гостинице.

– Она, уезжая отдохнуть, – спокойно возразил Николай, – зашла к нам и сказала: «Живите у меня, все-таки вы родня!»

– Да-а? – недоверчиво протянул я. – Странно, однако. Вчера речь шла об отеле.

– Ты ведь ее секретарь, – прищурилась Вера, – следовательно, номер тебе бы снять поручили.

– Верно.

– Ну и что? Отдала Нора такое распоряжение?

– Нет.

– Вот видишь, – засмеялась Вера. – А почему?

– Потому, что совесть ее заела, – закончил Николай, – она поняла, что встретила нас плохо.

Я попытался проглотить бутерброд. Может, оно и так, Элеоноре, как я уже говорил выше, свойственно бурное раскаяние. Сначала она раздавит человека, а потом оплачивает его похороны.

– Да ты позвони ей, – посоветовала Вера, – если нам не веришь.

– Мы тебе не помешаем, – сказал Николай, – тихие совсем...

Я молча положил в кофе сахар, одну ложечку, вторую, грешен, люблю сладкое. К сожалению, связаться с хозяйкой я

никак не смогу. Ее мобильный лежит сейчас в ящике письменного стола. Нора никому, кроме меня, не рассказала о предстоящей операции. Моя хозяйка абсолютно не суеверна, но ей, в случае неудачи, не хочется видеть жалость в глазах людей. Для всех она просто уехала отдыхать.

– Если Элеонора предоставила вам приют, – наконец выдал я из себя, – то ничего против я иметь не могу, тут она полноправная хозяйка, отдающая мне приказания. Живите сколько хотите.

– Вот и хорошо, – повеселела Вера.

– Худой мир лучше доброй ссоры, – заявил Николай, – мы в долгу не останемся...

– Рассчитаю тебе цикл бесплатно, – пообещала Вера.

– Что? – не понял я.

Вера кокетливо поправила крашенные пряди.

– Мы, кстати, так и не познакомились. Я Вера Пыжова!

Понимаешь? Ве-ра! Пы-жо-ва!

Я заморгал. Последняя фраза была произнесена с такой интонацией, как будто требовалось воскликнуть: «О боже! Вы Пыжова! Та самая! Извините, не узнал!»

Но я на самом деле не имел понятия, кем является гостья, поэтому просто кивнул.

– Очень приятно. Ну а я, если разрешите напомнить, Иван Павлович Подушкин.

Николай выпучил глаза:

– Ты никогда о нас не слышал?

– Извините, не пришлось.

Парочка опять переглянулась.

– Вот поэтому в нашей стране средний срок жизни пятьдесят три года, – протянула Вера, – люди просто не читают нужные книги!

– Дерьмом увлекаются, – поддакнул Николай, – детективами, фантастикой, телевизор смотрят, сериалы!

Ленка, огромная любительница мексиканского «мыла», возмущенно фыркнула, но не позволила себе вмешаться в беседу.

– Вы писатели! – догадался я. – Создаете философско-эпические произведения о смысле жизни.

Вера раздраженно дернула плечом.

– Нет, я – гомеопат-астролог, крупнейший специалист, мировая величина, умею составлять гороскопы, ко мне очередь на год вперед расписана. Николай – ученый, пишет книги об оздоровлении организма, у него их уже пятьдесят.

– Сколько? – поразился я.

– Пять десятков, – подтвердил гость.

– Ни одной не читал, – признался я.

– Оно и видно, – покачал головой Николай, – зубами себе могилу роете, колбасу едите, ветчину, кофе пьете! Да еще с сахаром.

Ленка, которая, прислонившись к плите, жевала ломоть карбоната, испуганно положила недоеденный кусок на тарелку.

– А чего? Нельзя?

– Ни в коем случае, – отрубил Николай. – Мясо убитых животных – яд! На бойне корова или свинья испытывают сильнейший стресс, выделяют токсины!

– Копченая колбаса – смерть, – заявила Вера, – сосиски, ветчина тоже! Вот молоко можно, его буренка добровольно отдает!

Ленка раскрыла рот и замерла, а я вспомнил анекдот, недавно рассказанный Максом, моим ближайшим приятелем, тем самым, что работает в милиции. У одного фермера корова каждый день давала по пятьдесят литров молока. Соседи, страшно удивленные, пришли к парню и спросили:

– Каким образом ты добился таких надоев, чем кормишь животину?

– Ест она как все, – ответил фермер, – все дело в ласковом подходе. Утром открываю сарай, смотрю нежно на буренку и спрашиваю: «Ну, милая, что сегодня давать будешь: молочко или говядину?»

– Чего кушать-то? – отмерла Ленка. – Если колбасу нельзя, тогда, значит, можно курицу, рыбу...

Николай схватился за голову:

– Дремучая неграмотность, пещерное отношение к себе! В курятине не тот набор белков, в рыбе чуждые нам аминокислоты. Сказал же: зубами себе могилу рою. Сначала надо очиститься по моей методе. Постойте-ка, сейчас принесу книги.

С этими словами он вышел в коридор. Я тяжело вздохнул: нет хуже человека, чем тот, кто, овладев неким знанием, решил осчастливить человечество.

– Вы пока напишите на бумажке день, месяц, год, час и место вашего рождения, – велела Вера, – я составлю карту, а потом о диете подумаем.

Поняв, что от активной дамочки просто так не избавиться, я покорно нацарапал на салфетке требуемую информацию.

– Не помню, – протянула Ленка, тоже хватаясь за карандаш.

– День рождения? – удивилась Вера.

– Не, час!

– Неприятно, но не страшно, – завела было гостя, и тут в прихожей раздался звонок.

Радуюсь, что у меня нашелся хороший повод покинуть кухню, я пошел открывать. Скорей всего, за дверью маются новые клиенты, придется разочаровать их.

Не посмотрев в глазок, я распахнул дверь и вздрогнул. Стройная, если не сказать, тощая, маменька бросилась мне на шею.

– Вава!

Вот тут я перепугался основательно. Nicolette никогда не приходит ко мне в гости, хоть и давным-давно знакома с Норой, собственно говоря, благодаря этому я и получил место секретаря. И вообще маменька никогда не показывается

из дома, не приняв соответствующего вида: макияж, драгоценности, духи. А сейчас стоит растрепанная, практически в дезабилье³.

– Вава! – закричала Николетта. – Ну что за хамство! Звоню, звоню, никакого результата! К телефонам никто не подходит!

– Мобильный я на зарядку поставил, – начал оправдываться я, – а домашний на ночь выключили и...

– Мне это неинтересно! – взвизгнула Николетта. – Смотри! Я еле жива осталась! В чем была, выскочила!

– Да что произошло? – перебил я маменьку, быстро окинув ее взглядом.

Внешне Николетта кажется неповрежденной, никаких синяков, ссадин или порезов.

Маменька вошла в прихожую и рухнула на стул.

– Боже! – застонала она. – Меня чуть не убило! Током! Ужасно! А ты спишь! Вот как случается! Упал кирпич на голову, и все.

Я вздрогнул, последняя фраза будила не слишком приятные воспоминания.

– Голая, босая... – причитала Николетта, – эй, что ты там возишься! Входи скорей, дует с лестницы! Кха, кха, вот я уже и простудилась!

Последнее замечание относилось не ко мне. В проеме двери появилась Тася, домработница Николетты. Баба тащила

³ Дезабилье – раздетая.

два огромных, по виду совершенно неподъемных кофра.

– Фу, еле доперла, – сообщила она, грохнув баулы об пол.

– Что ты приволокла? – удивился я.

– Там моя одежда и милые сердцу мелочи, – залилась слезами Николетта. – Не приведи господь вот так оказаться – на улице, раздетой, безо всего.

Я посмотрел на кофры. Ну, похоже, голой маменьке ходить не придется.

– Объясни, наконец, в чем дело! – спросил я.

Николетта вновь захныкала, а Тася принялась бестолково размахивать руками.

– Дык... так... вода, а потом лампочки бабахнули! Жуть!

Спустя полчаса я с трудом сумел разобраться в ситуации.

Николетта до сих пор живет в квартире, которую давно, в самом начале 60-х годов прошлого столетия, приобрел мой отец Павел Подушкин. По тем временам это были шикарные хоромы, резко выделяющиеся на фоне массовой блочной застройки. Кирпичное здание, потолки выше трех метров, просторная кухня, кладовка, большие комнаты, коридоры. Даже сейчас апартаменты смотрятся неплохо, но главное, что в кооперативе сначала жили одни писатели, а теперь, когда старое поколение умерло, в квартирах обитают дети и внуки литераторов. Мне подобное окружение не кажется приятным, но я сам, так сказать, из этой стаи. Но встречаются снобы, которым нравится хвастаться:

– Приобрел квартиру, ничего, симпатичная, окружение

элитное. Справа сын N живет, слева внук K.

Для кого-то важно быть причисленным к небожителям, поэтому цены на в общем-то не слишком, по нынешним временам, шикарное жилье достигают небес.

Не так давно племянник литератора Кротова, живший над Николеттой, уехал на ПМЖ в Америку, и в его квартире поселился новый жилец. Вернее, поселился – неправильное слово, он сперва начал ремонт. Николетте свойственны истерические реакции, но в данном случае осудить ее трудно. Я был с ней солидарен, слушая бесконечные жалобы на шум. Оно и понятно, кому понравится грохот отбойных молотков, визг дрели, крики рабочих. Но, с другой стороны, как поступить? Людям же следует обновить квартиру.

Сегодня утром случилось непредвиденное. Хозяин, в азарте сносивший стены, чего-то не рассчитал, и в результате у Николетты на кухне обвалился потолок, а потом во всем подъезде перегорели работающие электробытовые приборы и погас свет.

Николетта в полуобморочном состоянии покинула родное гнездо.

Я взял ключи от машины и велел Ленке:

– Напои их чаем, я скоро вернусь.

День пошел прахом. До обеда я вел беседы с хозяином ремонтируемой квартиры в присутствии домоуправа, участкового и представителя районной управы. Новый жилец заметно нервничал и постоянно твердил:

– Ну зачем такой сход собрали? Дело решим полюбовно. За свой счет ремонт вам сделаю, станет лучше, чем было. Беспокоиться не о чем. Баб вызову, они вещи сложат, мебель накроют, потом отмоют. Не фига волну гнать, признаю, я виноват.

Договорившись с ним, я вернулся домой и обнаружил в гостиной Николетту с Верой, увлеченно рассматривающих какую-то толстую книгу.

– Проблема решена, – сообщил я, – твой сосед обещает сделать у тебя ремонт.

– Прекрасно, – не отрывая глаз от страницы, ответила маменька.

– А ты пока поживешь в гостинице, я уже договорился в «России», – продолжал я.

Николетта подняла глаза:

– Где?

– В «России». – Я улыбнулся и замолчал.

Там у Гриши работает знакомая и есть возможность получить номер со скидкой, совсем недорого, но Николетте об этом знать не следует.

Маменька порозовела:

– Я не поеду в сарай!

– Послушай, это элитное место, с видом на Кремль.

– Нет, грязный курятник.

– Там селят депутатов Думы, пока им квартиры в столице не найдут!!!

– Боже! – закатила глаза маменька. – Сравнил, депутаты – малообразованные мужланы из провинции. Ясное дело, они унитаз впервые увидели. Конечно, таким и нора дворцом покажется! Впрочем, если уж ты так настаиваешь, гонишь вон из своего дома мать, оставшуюся без крыши над головой...

– Это квартира Нора, я не имею права здесь хозяйничать, – перебил ее я.

– Нора никогда бы не выставила меня, – горестно завела маменька. – Да, дети неблагодарны. О, бедный король Лир, как я понимаю его терзания! Так вот, я могу съехать в отель, достойный моего положения. Думаю, «Мариотт» на Тверской подойдет, можешь снять президентский номер, пока на месяц, а там видно будет!

Я потерял дар речи. Президентский номер в «Мариотте»? На месяц? Интересно, Nicolette понимает, о какой сумме идет речь? Впрочем, я сам не в курсе, сколько могут стоить там комнаты, но то, что у меня на это средств не хватит, знаю точно.

– Что молчишь? – капризно спросила Nicolette.

– Извини, но боюсь, мне денег на такое пристанище не набрать.

– Значит, я останусь здесь!

– Но Нора может быть против!

Маменька вытащила из сумочки мобильный и зачирикала:

– Алло! Норочка? Ты как, отдыхаешь? Ну молодец...

Я молча наблюдал за разыгрываемой комедией.

– Вот видишь, – вздохнула маменька, – полный порядок, моя горячо любимая подруга не против. Она предложила мне поселиться в ее комнате. Тася, живо приведи там все в порядок. Я понимаю, Вава, что ты скряга, поэтому и иду на лишения!

Я продолжал глядеть на маменьку. Сказать ей, что Норин мобильный дома, а сама она в боксе, в клинике, и связаться с ней невозможно? Но тут присутствовавшая при разговоре Вера воскликнула:

– А еще можно оздоровиться при помощи масляных вливаний.

– Что вы читаете? – спросил я.

Николетта схватила книгу.

– Восхитительная вещь. «Оздоровление ради омоложения. Двадцать лет долой». А еще Вера и Николай пообещали мне рассчитать какие-то ритмы, сделать крем. Да я за месяц стану просто девочкой!

Тяжелый вздох вырвался из моей груди. Теперь понятно, почему Николетта во что бы то ни стало желает поселиться тут. При слове «омоложение» у маменьки начисто сносит крышу, стоит только вспомнить про подвал⁴. Ну так как, говорить ей о Норе?

Я встал и пошел в прихожую. Увы, я не способен поста-

⁴ Речь идет о ситуации, описанной в книге Д. Донцовой «Надувная женщина для Казановы», издательство «Эксмо».

вить Nicolette в неудобное положение, за что и буду крепко наказан. Похоже, жизнь в нашем доме превратится в ад.

Глава 6

В родильный дом я прибыл ближе к вечеру. Обычное медицинское учреждение в такое время уже бывает закрыто, а дежурный врач с медсестрой прячутся, но ведь больница, где люди появляются на свет, работает круглосуточно, поэтому я не особо нервничал, подъезжая к зданию. Сейчас обязательно найду кого-нибудь, кто ответит на мои вопросы.

В просторном холле маялись двое мужчин с самым безумным выражением на лице. Спрашивать их о чем-либо представлялось бессмысленным, вряд ли будущие папаши меня вообще услышат.

Помотавшись по вестибюлю и обнаружив наглухо закрытое справочное окошко, я хотел уже толкнуться во внутреннее помещение, но тут выкрашенная белой краской высокая дверь распахнулась, явив симпатичную женщину лет тридцати пяти. В руках она держала большой пакет.

– Самойленко кто? – выкрикнула медсестра.

– Я, – прошептал один из мужиков, худея на глазах.

– Дочь у вас, три пятьсот, рост пятьдесят два сантиметра, состояние мамочки и новорожденной удовлетворительное, – отчеканила женщина.

Новоявленный папаша рухнул на стул и начал дрожащей рукой вытирать пот со лба. Второй парень вскочил.

– А у меня? Я Кузьмин.

– Вот, держите, – ответила медсестра, протягивая пакет.

– Этта чего? – попятился Кузьмин.

– Одежда.

– Чья?

– Ну не моя же! Супруги вашей!

Парень сравнялся по цвету с белым кафелем, который покрывал стены.

– Во... зачем... она того? Да? Умерла?

Медсестра закатила глаза:

– Одуреешь с вами! Кто ж в спортивном костюме рожает?

Переодели твое сокровище в ночнушку, уноси ее шмотки, у нас камеры хранения нет.

– А, понял, – затрясся парень, – во... врубился. А когда мой ребенок родится?

– Не знаю! Ты ж только что жену привез.

– Час уж прошел.

– Час уже прошел, – передразнила его медичка, – дети только делаются быстро, а на свет долго выползают, первые роды, раньше утра не жди. Лучше домой поезжай, нечего тут маяться.

– Ну уж нет, – колотился в ознобе будущий отец, – здесь буду сидеть.

– Цирк просто, – хихикнула женщина.

– Простите, – сказал я, – можно вас на минуточку.

Медсестра окинула меня оценивающим взглядом.

– Роженицу привезли? Ступайте в приемное отделение.

– Нет, нет, мне бы справку получить.

– До семнадцати окошко работает.

Я улыбнулся:

– Сделайте одолжение, помогите мне.

Медсестра усмехнулась:

– Ну ничего прям с собой поделать не могу, как увижу красивого мужчину, так таю! В чем дело?

– Шестнадцатого февраля отсюда выписывалась молодая мать, Алена Сытник... впрочем, не могли бы мы поговорить где-нибудь наедине?

Медичка кокетливо стрельнула глазками:

– С вами? С превеликим удовольствием. Идите за мной.

Попетляв по коридорам, мы оказались в довольно просторной комнате, служащей персоналу местом для отдыха. У окна стоял стол, заставленный чашками, чуть поодаль гудел старенький холодильник. Медсестра села на продавленный диванчик и, положив ногу на ногу, протянула:

– Ну... о чем болтать станем?

Ее халатик распахнулся, показались круглые, полные колени. Чтобы придать беседе официальный характер, я вынул удостоверение.

– Разрешите представиться. Иван Павлович Подушкин, сотрудник агентства «Ниро».

– Катя, – протянула женщина, – можно без отчества, потому что я молодая совсем, юная даже.

– Так вот, Катя, попытайтесь вспомнить, кто дежурил в

родильном доме 16 февраля.

– Так полно народа! И хирург, и детский врач, и акушер...

Я понял, что неправильно поставил вопрос.

– Кто выписывал молодых мам в тот день?

– Врач.

Опять я не так спросил.

– Я имел в виду, кто приносил младенцев?

– А... этим занимаются медсестры, строго по очереди, – улыбнулась Катя, – вернее, положено, чтобы новорожденных выдавали всего двое, из детского отделения, но мы все в этой процедуре участвуем, потому что отцы медсестре платят, в конце дня приличная сумма набирается.

– Можно выяснить, кто занимался этой работой в тот день?

– Легко, – улыбнулась Катя, она взяла с подоконника толстую тетрадь, перелистала ее и сообщила: – Лиза Иконникова.

– А где ее можно найти?

Катя почесала переносицу, потом сняла трубку допотопного телефона, покрутила диск и спросила:

– Патология? Это кто? Привет, Нин. Скажи, Лизка Иконникова когда теперь работать будет? Да ну? Она же вчера дежурила, я с ней в столовой вместе обедала. А-а-а, тогда понятно. Тут к ней мужчина пришел, красивый, высокий такой. Ну не знаю, может, замуж позвать хочет!

Поговорив по телефону, Катя повернулась ко мне:

– Вам повезло. Лизка сегодня опять на дежурстве. Аллу подменяет, у той ребенок заболел. Ступайте на пятый этаж. Впрочем, пойдемте, я провожу.

Минут через десять я очутился в другой комнате для отдыха, такой же, как на первом этаже, только чайник тут стоял не белый, а черный. Лиза же очень напоминала Катю, женщина средних лет с усталым лицом, на котором при виде меня появилось кокетливое выражение.

Некоторое время ушло на то, чтобы объяснить Лизе ситуацию, потом я показал ей фото в газете. Медсестра внимательно изучила снимок.

– Нет, – покачала она головой, – в первый раз парня вижу.

– Посмотрите повнимательней, – попросил я.

Лиза поднесла снимок к глазам.

– Ну, у нас женщины в отделении подолгу лежат, всех родственников узнать успеешь: и мать, и мужа, и сестер. Только такого дядечку я не встречала. Но ведь в родильном доме не только патология есть. Бывают нормальные роды: приехала ночью, к утру младенец появился, полежала пять дней – и на выписку.

– Значит, вы не в курсе, чей он муж?

– Нет.

– Вот жалость-то, – протянул я, – думал, вы вспомните, кого он забирал.

– Слышь, Лизка? – закричала полная девушка, влетая в сестринскую. – Куда... ой, простите!

– Вечно ты, Аня, вопишь, – укоризненно покачала головой Лиза, – шумишь без толку, а у меня человек из милиции.

– Все, все, молчу, – прижала палец к губам Аня, потом бросила взгляд на лежащий перед Лизой снимок и снова перешла на ор.

– Это кто там, а? Дайте гляну. Твоя фотка?

– Нет, – сердито ответила Лиза.

– Да? У нас снято, внизу, на выдаче, – радовалась Аня.

– А вы откуда знаете? – спросил я.

– Так вот стенд на стеночке висит «Как правильно пеленать ребенка», мы его сами сделали, – воскликнула Аня, – и дядьку этого я помню!

Коротко обстриженный ноготок девушки ткнул в лицо человека, которого умершая Валерия назвала своим мужем.

– Вы знаете его? – обрадовался я.

– Ага, – кивнула Аня и, бросив газету на стол, взяла чашку.

– Как его зовут? – быстро спросил я.

– Понятия не имею, – пожала плечами Аня.

– Но вы только что сказали, что знакомы с ним.

– Я такого не говорила, – возмутилась она, – я имела в виду, что знаю, как зовут мамочку, к которой он явился. Вероника Смыслова.

– Вероника? – воскликнула Лиза. – Это ее муж?

– Хахаль, – пояснила Аня. – Супруга у Смысловой отродясь не было.

– Но к ней ни разу никто не пришел, – продолжала недоумевать Лиза, – сколько времени у нас провела, а ей даже печенья не передали.

– Ага, – кивнула Аня, – точно. Когда ее на выписку назначили, я младенца потащила и думаю, ну, тут мне ничего не обломится, никаких пряников. Выношу конверт и понимаю, что совершенно права. Стоит Вероника одна-одинешенька. А потом этот мужик откуда ни возьмись выруливает, с венником, одет вполне прилично. Сунул мне сто рублей, конверт забрал, Веронику подхватил под руку и утопал. Я еще удивилась: ну и дела. Ника все время, что у нас лежала, на лестнице ревела, по документам она не замужем, а тут такой кент, старый, правда, лет тридцать пять небось натикало, но ведь, когда ребенка родишь, особо выбирать не приходится.

Я посмотрел на щенячье пухлое личико медсестры. Да уж, ей все, кто перешагнул тридцатилетний рубеж, кажутся древними старцами.

– Можно каким-то образом узнать координаты Вероники Смысловой?

Аня принялась сыпать в чашку растворимый кофе, Лиза стрельнула глазами.

– А вам очень надо?

– Не старайся, Лизка, – заверещала Аня, – он небось женат.

– При чем тут это? – обозлилась Лиза. – Просто я хочу помочь хорошему человеку.

– Понятненько, – фыркнула Аня и, прихватив с собой чашку, ушла.

– Вот шалава, – сердито сказала Лиза, – в голове одна ерунда. А вы женаты?

– Пока нет.

– Что же так?

– Не нашел ту, с которой хочется провести старость, – честно ответил я.

Лиза хихикнула:

– Ну, вам до пенсии далеко. Ладно, посидите тут пару минуток.

Напевая, она ушла, а я вытащил сигареты. На подоконнике стоит пустая стеклянная банка, на дне которой лежат два скрюченных бычка, значит, здесь разрешено курить. Не успел табак превратиться в пепел, как Лиза пришла назад и сунула мне листок.

– Держите, – сказала она, – Вероника через дорогу живет. Знаю я ее дом, высокая такая башня, с зелеными балконами.

– Телефона нет?

– Не-а.

– Жаль.

– Да зачем он вам? Так идите, через полминуты на месте окажетесь.

– Неудобно без звонка.

– Глупости.

– Может, ее дома нет.

– Куда ж ей деваться? – засмеялась Лиза. – Небось распашонки гладит, с двух сторон, как положено. Она серьезная девушка, или такой казалась, пока у нас лежала.

Лиза была права. Не успел мой палец нажать на кнопку звонка, как из-за двери донеслось:

– Кто там?

– Мне нужна Вероника Смыслова, – ответил я.

Послышалось глухое бряканье, приоткрылась щель, и в нее высунулась растрепанная темноволосая голова.

– А вы кто?

– Иван Павлович Подушкин, – улыбнулся я, – не бойтесь.

– Чего бояться-то, брать у меня все равно нечего, – девица надула пухлые губки, – ни денег, ни брюликов.

– А девичья честь? – не слишком удачно, в абсолютно несвойственной мне манере пошутил я.

– Эка ценность, – хмыкнула она, – ее уже давно на куски изодрали. Проходите, Ника ребенка купает.

Я втиснулся в крохотную прихожую и, чтобы не стукнуться головой о люстру, сгорбился.

– В комнату топайте, – велела худая, совершенно прозрачная девушка, одетая в рваные джинсы и застиранную футболку.

Я поспешил на зов и очутился в конуре, где царил ужасающий беспорядок и просто кричала нищета.

– Садитесь, – моя спутница кивнула на продавленный, за-

саленный диван, заваленный вещами, – простыни только в сторону сдвиньте, они чистые, ща гладить начнем. Нет, лично я погожу пока размножаться, одни хлопоты. Этот младенец целыми днями писает и какает, еще ест. Пожрет, и снова писать да какать. Просто офигеть! Вон сколько белья уделал.

– Если купить памперсы, – решил я показать свою осведомленность, – то количество грязных простынок резко уменьшится.

– Скажете тоже, – скривилась девушка, потом, поплевав на утюг, принялась за гладку, – памперсы! Они не для нас, это для богатых примочка. Чем больше денег, тем проще жить. А нам стирать и гладить.

В комнату вошла еще одна худенькая до прозрачности девица, в руках у нее был кряхтящий кулек.

– Ты с кем разговариваешь, Зоя? – спросила она.

– К тебе гость, – кивнула та, – вот сидит.

Ника подошла к дивану.

– Вы ко мне?

– Да, здравствуйте, извините за поздний визит и за то, что завился без приглашения.

– Ничего, – устало отмахнулась Ника, – вы по объявлению? Пусть вас малыш не смущает, с ним Зойка на время кормления посидит. Я буду приходить, когда вам надо, молоко у меня хорошее, справка из лаборатории имеется, сама я здорова, могу анализы показать. Если возьмете меня в кормилицы, то с вас еда, хорошая. Сами понимаете, иначе

ваш ребенок витаминов не получит и...

– Простите, я не успел представиться до конца, – прервал я Нику и вытащил удостоверение.

Молодая мать села на стул, в ее глазах появилось откровенное отчаяние.

– Думала, вы кормилицу нанять хотите.

Мне стало жаль девочку, похоже, она голодает.

– Так что вам надо? – грубо спросила Зоя.

Я вынул газету.

– Ника, вам известен этот человек?

Вероника мельком взглянула на снимок и покраснела.

– Нет.

– Вы уверены?

– Да.

– Может, еще посмотрите?

– Зачем? Он мне незнаком!

Зоя выхватила из моих рук листок.

– Ну-ка... да, я тоже никогда его не встречала!

Я искоса наблюдал за девочками. Зоя явно не играла, она и впрямь только что увидела мужчину, а вот Ника...

– Очень прошу, – взмолился я, – если знаете, скажите, где искать этого человека.

Зоя вздернула брови:

– Вы того, да? С уехавшей крышей? Сказано же: никогда его не встречали!

Я вынул портмоне, достал оттуда сто долларов и положил

на стол, около утюга.

– Хозяйка агентства «Ниро» готова заплатить за сведения об этом мужчине.

Зоя постучала себя указательным пальцем по лбу.

– Ваще, блин!

Ника закусила нижнюю губу.

Я тронул молодую мать за плечо:

– Так как?

– Зойка, выйди, – велела Ника.

– Вот оно что! – подскочила Зоя. – Значит, как помогать...

Ника опустила голову:

– Отвали, бога ради, потом все тебе расскажу.

В ее голосе звучало такое отчаяние, что Зоя осеклась, а затем растерянно протянула:

– Ну ладно, мне нетрудно на кухне утюг потолкать.

Схватив кучу мятых пеленок, девушка испарилась. Ника исподлобья взглянула на меня.

– Я его плохо знаю.

– Думается, вы не слишком правдивы, – ласково заметил я, – неужели посторонний человек станет встречать в родильном доме девушку с цветами?

– Розы удивили меня до крайности, – кивнула Ника. – Ладно, слушайте.

Глава 7

История оказалась обычной. Ника служила секретаршей у Олега Ефремовича Иволгина, хозяина вполне преуспевающей фирмы по продаже и настилу паркета. Пришла на службу, закрутила роман с начальником, ну и так далее. Олег Ефремович имел жену, дочь, почти ровесницу Ники, и совершенно не собирался изменять свое семейное положение. Ника же хотела, чтобы Иволгин дал ей денег на обучение в университете, особых чувств к престарелому любовнику она не испытывала. В общем, это был вполне счастливый альянс. Олег Ефремович оплатил квитанцию из учебной части, Ника съездила с ним на пару дней в дом отдыха, потом они просто встречались раз в неделю у девушки, благо та одна-одинешенька на белом свете, но имеет квартиру.

Вскоре Ника стала прибавлять в весе. Она села на диету, но стрелка весов упорно отклонялась от привычной цифры в пятьдесят килограммов, потом начал резко увеличиваться живот, и тут только до глупой Ники дошло: она беременна, причем срок большой, а то, что она принимала за колики, на самом деле интенсивное шевеление плода.

Как можно быть такой идиоткой и не понять, что находишься в интересном положении? Не спрашивайте меня об этом. Скорей всего, какие-то физиологические признаки беременности отсутствовали. Случается порой, что дамские

ежемесячные неприятности так и не прерываются, кое-кто из моих приятелей был вынужден жениться на своих случайных любовницах, когда те поняли, что аборт делать поздно.

Когда Олег Ефремович узнал, в чем дело, он мигом, нарушив трудовое законодательство, уволил Нику.

– Знать тебя не знаю, – сурово заявил он, – имей в виду, даже не пытайся повесить мне на шею ребенка, которого прижила неизвестно с кем!

Ника хлопнула дверью и ушла. Она решила никогда более не иметь дело с мерзавцем, а новорожденного сдать в приют. На троллейбусной остановке девушке стало плохо, прохожие вызвали «Скорую», которая и привезла Нику в родильный дом, где ее положили на сохранение. Нике повезло, заведующая отделением пожалела глупышку и продержала ту в клинике до родов, потому особых материальных трудностей Ника до появления на свет сына не испытала. В клинике ее кормили, поили, давали витамины и даже водили в бассейн. Ника ощущала себя как в санатории, судьба нерожденного младенца была ею решена, прямо в родильной палате девушка собиралась написать отказ от него и забыть о неприятном случае. Но случилось непредвиденное. Едва мальчишечка появился на свет, акушерка поднесла его к лицу Ники.

– Смотри, кого родила!

В ту же минуту девушка поняла, она никому, никогда не отдаст сына, это ее любимый, крохотный мальчик, родная кровиночка...

Следующие дни до выписки Ника провела ужасно. На нее разом рухнули все проблемы. Кто купит малышу приданое? Где взять деньги на жизнь? Как справиться с предстоящими бытовыми трудностями? Проведя пару ночей без сна, Ника позвонила Иволгину и заявила:

– Сообщаю тебе, что теперь ты являешься счастливым отцом сына.

Олег Ефремович бросил трубку, но Ника была упорна и снова набрала номер.

– Изволь выслушать меня до конца, иначе хуже будет. Выйду из родильного дома, сделаю генетическую экспертизу, а потом официально подам на алименты, – пригрозила она.

– Что тебе надо? – испуганно спросил Иволгин.

– Денег. На приданое ребенку.

– Сколько?

Ника назвала сумму.

– Где гарантия, что, получив один раз помощь, ты не станешь требовать ее регулярно? – промямлил Олег Ефремович.

Веронике стало противно.

– Мое честное слово. Подыхать буду, но тебя, падлу, не трону, не привыкла с дерьмом возиться.

Иволгин снова швырнул трубку. Ника решила, что ничего не получит, но в день выписки в холле ее ждал шофер Иволгина. Он передал Нике конверт и довез молодую мать

с младенцем до дому. Больше всего девушку поразил букет, который вручил ей водитель.

– Как его зовут? – в нетерпении воскликнул я.

– Виктор.

– А фамилия?

– Понятия не имею.

– Но вы же вместе работали! – возмутился я.

Ника поковыряла пальцем порванную обивку дивана.

– Этот гад шофера недавно нанял. Прежнего водителя я очень хорошо знала, а с Виктором всего пару раз встречалась.

– Не подскажете, где можно найти водителя?

– Ну, он гада утром на работу привозит, а потом уж как пойдет. Либо просто стоит ждет, либо по делам катается.

– Скажите адрес вашей паркетной фирмы, – попросил я.

– Была бы она моя, – грустно отозвалась Ника, – тогда и проблем не было бы, пишете.

Спрятав бумажку в карман, я попрощался и пошел к двери. Ника стала отпирать замок. Я стоял за девушкой и увидел, что она худая как скелет. Тоненькая футболочка облепила спину, под материей выступали буквально все косточки от маленьких позвонков до лопаток.

– До свидания, – сказала девушка, распахивая дверь.

Но я уже шел назад в комнату.

– Эй, – крикнула Ника, – вы что-то забыли?

– Пишите заявление!

– Какое? Кому? Зачем? – стала сыпать вопросами Ника.

– В Москве есть благотворительная организация «Милосердие», призванная помогать нуждающимся. Я являюсь по совместительству ее ответственным секретарем, вам, учитывая ваше бедственное положение, обязательно окажут помощь.

– А вы не врите? – воскликнула Ника. – С какой стати им просто так мне деньги давать? Небось чего-нибудь взамен захотят!

Внезапно мне стало грустно. Конечно, фраза: «В мое время люди были иными» – сразу выдает отнюдь не юный возраст говорящего. Подобные заявления, как, впрочем, и восклицание: «Ох уж эта молодежь», свойственны старикам, к коим я себя ни в коем случае не причисляю. Но, ей-богу, «поколение пепси» ущербно. Современные молодые люди понимают лишь товарно-денежные отношения, большинство из них не верит в то, что можно просто так помочь постороннему человеку.

Не знаю, как все остальные люди, а я вечно теряю мобильный. Если раздается звонок, начинаю судорожно хлопать себя по карманам или рыться в барсетке. Современные аппараты делаются все меньше и меньше, лично меня это пугает. Крохотную, противно пищущую трубку трудно отыскать. Больше всего мне нравились первые модели, такие большие, размером с утюг. Вот и сейчас я слышу звон, но, простите

за дурацкую шутку, не понимаю, где он! Наконец пальцы наткнулись на телефон.

– Да! – в легком раздражении воскликнул я.

– Привет, – откликнулся Женька, – как дела?

– Спасибо, ничего, а у тебя?

– В общем и целом на троечку, – занудил Милославский. – Я познакомился с хорошенькой киской, она ну просто персик. Фигурка, ножки, грудь – все классное. Пошли в ресторан, сидим, вино пьем. Вдруг открывается дверь, влетает парень лет тридцати и бросается к нам с воплем: «Вот ты где!» Я насторожился, ну, думаю, попал ты, Женя, ща муж морду бить начнет. А юноша и говорит: «Мама, у тебя есть тысяча рублей?» Я прямо чуть не умер, а тетка давай ржать, до слез досмеялась, она-то сказала мне, что ей двадцать пять...

– Хорошо, значит, выглядит, коли тебя провела, – улыбнулся я, – может, познакомишь? Похоже, дама в моем вкусе.

– Ну тебя, – фыркнул Женька, – лучше скажи, как дела?

Мы проговорили еще минут десять, и я повесил трубку. Странное дело. Конечно, мы с Милославским общаемся, но не слишком часто, порой не разговариваем по два-три месяца, и, как правило, это я первым набираю его номер. А сейчас Женя звонит уже второй раз и интересуется моей работой. С какой стати? Впрочем, он, наверное, просто захотел потрепаться.

Утром меня разбудил страшный топот. Я сел в кровати

и прислушался. Что у нас происходит? Полное ощущение, будто в квартире скачет стадо слонов, бух, бух, бух... Быстро одевшись и умывшись, я вышел в коридор и прислушался: топот несся из гостиной. В недоумении я слегка приоткрыл дверь и увидел следующую картину. Вся мебель сдвинута к стене, с карниза сняты тяжелые драпировки, сквозь ничем не занавешенное окно проникают яркие лучи солнца. Нора терпеть не может незашторенных окон. Один раз, в редкую минуту откровенности, хозяйка рассказала мне, что, еще будучи ребенком, жила со своими родителями на первом этаже и была до полусмерти напугана соседом, который заглядывал к ним в квартиру. Поэтому у нас окна почти всегда плотно закрыты.

В центре зала стояли Николетта, Вера, Тася и Ленка, освещенные пронзительно-яркими лучами. Дамы выстроились в одну линию и с обожанием смотрели на Николая, сидевшего в кресле.

– Теперь упражнения для второй чакры, – скомандовал он, – ну-ка, раз.

Прелестницы подпрыгнули, особенно легко это сделала Николетта, что, в общем-то, неудивительно. Маменька, сколько ее помню, сидит на диете и походит на тойтерьера, соответственно, ей проще скакать, чем Тасе, вес которой давно перевалил за центнер.

Бум! Вверх взлетели фонтаны пыли и закружились в столбах яркого света.

– Хорошо, – кивнул Николай, – завершая гимнастику, попросим у тела прощение, примерно так. Очень осторожно, правой рукой поглаживаем себя по животу и говорим: «Дорогой желудок, милая печень, я убивала вас...»

– А почему правой рукой? – перебила его Nicoлетта.

Николай нахмурился:

– Я уже объяснял один раз. Левая длань от черта, она отбирает здоровье. Кстати, вы не сняли кольца! Это очень и очень плохо! Оздоровливающие упражнения не дадут эффекта.

Nicoлетта надулась, а я, стараясь быть незамеченным, осторожно прикрыл дверь и пошел на кухню. Интересно, что перевесит: желание Nicoлетты омолодиться или ее любовь к цацкам? Насколько я знаю, маменька даже спать ложится в серьгах и ожерельях.

Усмехаясь, я открыл холодильник и удивился. На всех полках зияла пустота, не было вообще ничего, кроме литровой стеклянной банки, заполненной какой-то бело-желтой субстанцией.

– Доброе утро, Иван Павлович, – пропыхтела Ленка, войдя в кухню, – ща завтракать будем.

Переваливаясь, домработница пошла к плите, я сел за стол и хотел было спросить, куда подевалась моя любимая «Докторская» колбаса, но тут появились Nicoлетта, Вера и Николай.

– Гимнастику станем делать каждое утро, – вещал цели-

тель.

– Да, – с обожанием откликнулась Николетта.

– Еще соответственное питание и чтение!

– Да!

Я поразился до глубины души. Однако Николай, похоже, гипнотизер! Николетта никогда ни с кем не соглашается, а тут два раза покорно ответила «да».

Спустя пару минут подали завтрак. При виде яства у меня глаза вылезли из орбит. На маленькой тарелочке лежала то ли манная каша, то ли пережеванный белый хлеб. Выглядело «лакомство» отвратительно, никакого желания не то что пробовать, а даже понюхать не вызывало.

Николай потер руки:

– Ну-с, приступим!

– Сегодня просто праздник, – оживилась Вера, – я обожаю мофо! Необыкновенно вкусно! Что же вы, пробуйте скорей!

– Спасибо, – улыбнулся я, – не ем каш. Лена, будь добра, дай мне колбасу.

– Мы ее похоронили, – ответила домработница.

Я схватился за стол.

– Похоронили? В каком смысле? Съели?

– Нет, – помотала головой Ленка, – мы ее аккуратненько зарыли во дворе, у забора.

– Цветы положили, – вздохнула Вера, – все ж таки живое существо.

– Колбаса? – в полном изнеможении спросил я. – Живая?

– Да, – с абсолютно серьезным лицом заявил Николай, – когда-то была мыслящим существом, нельзя же ее так... того... на помойку.

Так, похоже, у Николая большие проблемы с головой, до сих пор я не встречал людей, считавших корову или свинью равными себе по разуму. Даже самые ярые гринписовцы не додумались совершать погребальную церемонию над батоном «Докторской».

– Лучше съешь мофо, – подтолкнула меня в бок Вера.

Я машинально зачерпнул ложечкой непонятную субстанцию и положил в рот. На вкус мофо оказался отвратительным. Мелкие, колкие крупинки рассыпались по языку, больше всего они напоминали рагу из опилок. Не надо думать, что я пробовал это блюдо, просто мне кажется, оно точь-в-точь такое.

Кое-как справившись с желанием выплюнуть яство, я заинтересовался:

– Мофо из чего делают?

– Мофо – это мофо, – последовал ответ.

– Оно растение?

– Да, типа банана, – объяснил Николай, – но в сто раз полезнее.

Я хотел было спросить, где же они берут деликатес, но проглотил вопрос. Очевидно, на моем лице явственно отразилось отношение к этому лакомству, потому что Вера быстро воскликнула:

– Я сделала тебе, Ваня, гороскоп!

– Спасибо, но я им не верю. Иногда читаю в газетах и удивляюсь. Один обещает мне крайнюю удачу, другой опасность, как правило, ни первое, ни второе не верно. Извините, но я считаю, что астрология и шарлатанство синонимы.

– Я вовсе не обижаюсь, – спокойно ответила Вера, – любое хорошее дело идиоты способны испортить. Ладно, посмотри, что я сделала. У тебя сегодня потрясающий, редкий день, такой выдается раз в десятилетие. Вот, обрати внимание, Марс встал...

Я понял, что более не способен продолжать беседу, и невежливо перебил ее:

– Извините, но я очень тороплюсь, работа ждет.

– Хорошо, – не выказала никакого недовольства Вера, – я опущу понятные лишь специалисту подробности. Главное, запомни, сегодня твой звездный день. Знаешь, купи лотерейный билет!

– Не премину воспользоваться советом, – с самым серьезным видом заявил я, – всенепременно, прямо сейчас отправлюсь за билетом.

Желая побыстрее избавиться от компании, я встал и пошел к двери. Единственный положительный эффект от завтрака состоит в том, что Николетта, отведав мофо, молчит. Очевидно, неземной вкус сего растения парализовал язык маменьки. Если это правда, я превращусь в оптового покупателя продукта, даже сам стану потреблять его трижды в

день, дабы не слышать Николетту. Во всем плохом обязательно присутствует нечто хорошее.

– Стой! – вдруг заорал Николай с такой силой, что Ленка уронила на пол чашку.

Дзынь! По сторонам брызнул веер мелких осколков. Я замер.

– Что случилось?

– Ты хотел шагнуть за порог с левой ноги! – с ужасом воскликнул Николай.

– Вы настолько суеверны? – начал сердиться я. – Право, это чужь.

– Нет! В приметах заключен опыт народа. – Целитель начал читать мне лекцию. – Наши предки были очень наблюдательны. Да, они не могли объяснить кое-какие явления, но очень хорошо знали: если день или путь начат с левой ноги, ничего хорошего не жди. Теперь, когда биоэнергетика оформилась в науку, есть вполне доступное любому объяснение этой приметы. Дело в том, что...

– Извините, я очень тороплюсь, – оборвал я Николая.

Конечно, это было крайне невежливо, но, похоже, наш гость не слишком занятой человек, а мне уже нужно быть около офиса фирмы «Паркет без проблем».

– ...энергетический кокон, – как ни в чем не бывало вещал Николай.

Я, снова с левой ноги, шагнул через порог. И тут случилось невероятное. Дело в том, что в понедельник Ленка по-

стелила в коридоре дорожку, этакий советский вариант напольного покрытия, темно-красная лента с зеленым бордюром. В квартирах, где стены украшены коврами, я чувствую себя знатным кочевником в юрте. Но Ленка, уложив на полу палас, скрестила руки на необъятной груди и с неподдельным восхищением воскликнула:

– Господи, как же у нас теперь богато!

И что можно сказать, услышав эту фразу? Ни у Норы, ни у меня не хватило окаянства велеть немедленно убрать «красотищу», поэтому дорожка осталась в коридоре, и сейчас я, начисто забыв о ней, зацепился за ее край. Сила инерции толкнула меня вперед, руки попытались уцепиться за воздух, но это не помогло. Сначала я упал на колени, секунду пытался сохранить равновесие, не удержался и шлепнулся оземь, ударившись лбом об основание вешалки.

Оказавшись на полу, я испытал целую гамму чувств. Неудобство. Последний раз я падал лет этак в тринадцать. Боль. Лоб сильно ушиблен, да и коленям досталось. Легкое удивление. Надо же, рухнул дома, на ровном месте.

– Говорил ведь, – закричал Николай из кухни, – предупреждал! Не ходи с левой ноги!

– Вечно ты, Ваня, умных людей не слушаешь, – ожила Николетта.

Я молча встал, отряхнул брюки и пошел в ванную мыть руки. Ленке, вместо того чтобы делать по утрам гимнастику, нужно как следует убирать квартиру.

Войдя в санузел, я хотел было взять кусок мыла, но пальцы наткнулись на пустой лоточек. Я еще больше обозлился на Ленку, она отвратительно ведет хозяйство. Ну с какой стати в общем туалете нет средства для мытья рук? У Норы в квартире три ванны. Одной она пользуется сама, вторая, с душевой кабинкой, отдана мне, а в третьей, совсем крохотной, моется Ленка, и туда заходят гости. Я редко пользуюсь общим санузлом, и вот, пожалуйста, здесь нет мыла.

– Лена, – закричал я, – где мыло?

Домработница заглянула в ванную.

– Вона, в блюдечке.

– Это? – с изумлением спросил я, разглядывая белый порошок. – Что за дрянь!

– Питиевая сода, – сообщила Ленка, – хорошо грязь отчищает.

И тут уж я обозлился окончательно:

– Елена! Позволь напомнить тебе, что в обязанности домработницы входит уборка квартиры и тщательное ведение домашнего хозяйства. Немедленно принеси кусок...

– А нету, – перебила меня Ленка, – теперь велено лапы содой шкрябать.

– С такой стати?

– Мыло делают из дохлых собак, оно несет на себе отрицательную ауру, способствует развитию этих, ну... забыла.

Я уставился на домработницу.

– Вы его похоронили? Рядом с колбасой?

– Нет, просто вышвырнули.

Вытерев мокрые ладони полотенцем, я очень осторожно, стараясь вновь не споткнуться о дорожку, пошел к выходу. Николай абсолютно нелогичен. Считая колбасу живым организмом, он отчего-то решил, что мыло неодушевленный предмет. Но, если «Докторскую» делают из говядины со свиной, а мыло, по мнению того же Николая, варят из невинно убиенных бродячих полканов, то его тоже надлежит отправить в могилу с соответствующими церемониями: духовым оркестром, почетным караулом и возложением венков.

Глава 8

Возле входа в фирму «Паркет без проблем» стояла черная иномарка. Тонировка не позволяла увидеть, есть ли внутри люди. Я осторожно постучал пальцем по стеклу. Приоткрылась щель, и послышался приятный баритон:

– Вам чего?

– Это автомобиль господина Иволгина?

– Да.

– Вы его шофер?

– Именно.

– Виктор?

Дверца распахнулась, и я увидел за рулем того самого мужчину со снимка.

– Откуда вы меня знаете? – хмуро поинтересовался он. – И что вам надо?

Какую-то секунду я колебался, потом вынул газету.

– Узнаете себя?

Виктор молча изучил снимок.

– Ну... да. А что? Меня хозяин отправил одну свою знакомую из больницы встретить, я человек подневольный, чего велят, то и делаю.

– Неужели он приказал ей розы купить? – не утерпел я.

Виктор моргнул.

– Нет, – сказал он уже иным тоном, – я сам букет взял,

неудобно показалось вроде...

Он замолчал, прищурился и вдруг заявил:

– Вообще-то я с вами беседовать не собираюсь, чего вы тут вынюхиваете? Я в хозяйские дела не лезу.

– Мне абсолютно неинтересна личная жизнь господина Иволгина, – попытался я успокоить водителя.

– Ну и до свидания, – заявил тот, – ступайте себе мимо!

– Мне необходимо поговорить с вами.

– О чем?

– Об одной истории, деле давно минувших дней.

Виктор снова заморгал, его лицо выражало недовольство и раздражение. Я быстро вытащил удостоверение.

– Разрешите представиться, я из агентства «Ниро».

– Да пошел ты, – буркнул шофер и попытался захлопнуть дверцу, – я ментам справки не даю!

– Вам говорит что-нибудь имя Валерия? Валерия Ермилова, – быстро сказал я.

Рука, тянувшая на себя дверцу, упала. Я взглянул на лицо Виктора и понял: поиск закончен, вот он, убийца. Лоб шофера мгновенно покрылся мелкими капельками пота, в глазах заплескался ужас, губы стали белыми.

– Вы... того... ну... – забубнил он.

Я молча смотрел на убийцу, ему не следовало нарушать закон с такой-то нервной системой.

– Так я и знал, – с горьким отчаянием воскликнул Виктор, – сначала каждый день готовился, потом слегка успоко-

ился! Только вчера думал... жена... Люся... Вы меня сейчас арестуете? Могу я позвонить домой?

Я кашлянул:

– Сначала поговорить надо.

– Садитесь в машину, – предложил Виктор.

Оказавшись внутри иномарки, я включил диктофон и сурово сказал:

– Чистосердечное признание смягчает наказание.

Виктор с силой вцепился в руль, костяшки его пальцев побелели.

– Да, я знаю, слышал... хорошо. Я не хотел!!!

– Но вы убили свою жену!

– Поверьте, я не собирался! Это случайно вышло! – с отчаянием воскликнул Виктор. – Вы послушайте! Пожалуйста!

Я откинулся на сиденье.

– Говорите.

Из его рта полились ровные, округлые фразы. Мне стало понятно, что речь была подготовлена заранее, очевидно, Виктор не раз мысленно ее произносил, репетировал.

– Я очень ревнив. Сейчас немного поостыл, но раньше просто голову терял, если считал, что партнерша мне неверна, – начал он.

Да уж, было бы желание, а повод для выяснения отношений всегда найдется. Вот поэтому Виктор никак не мог

отыскать себе невесту. Все девушки, как одна, казались ему слишком легкомысленными. Да еще мать без конца подливала масла в огонь. Стоило Виктору, послушному сыну, привести в дом очередную даму сердца, как матушка мигом заставляла:

– Да уж, юбка короче некуда, милая девочка, вся улица видит, какие на ней трусы.

Если же претендентка на сына являлась в брюках, будущая свекровь колко бросала:

– Глазки-то какие блудливые. Небось ты, Витюша, сотый в очереди. Хорошая девушка так не смотрит, уж поверь мне.

И Виктор верил. Иногда, правда, в его голову закрадывалась крамольная мысль: почему маме не нравится ни одна из будущих невест? Вдруг дело не в девушках, а в родительнице?

Но потом появилась Лера, и Виктор влюбился до такой степени, что наплевал на мамин бубнеж. Сыграли свадьбу. Перед отъездом в свадебное путешествие, обнимая сына на перроне, мать кисло сказала:

– Ну, видели глазки, что покупали, теперь ешьте, хоть по-вылазьте. Смотри, сынок, помянешь мое слово...

Но Виктор не стал слушать матушку, вскочил в поезд. Последнее, что он запомнил, были злобно прищуренные глаза и плотно сжатые губы матери. «Ничего, – попытался сам себя утешить парень, – привыкнет, еще и полюбит Леру». Но, очевидно, семена, брошенные рукой мамы, дали плохие всхо-

ды, потому что Виктор волей-неволей приглядывался к поведению Валерии, наблюдал за ее реакцией на мужчин. Когда он, оставшись с насморком в номере, увидел с балкона, как жена, бросив больного мужа в одиночестве, развлекается на пляже, в голову парню ударил гнев. Не успела Валерия вернуться, как вспыхнула драка, в пылу которой Виктор что есть силы толкнул жену.

Лера упала, ударилась о столик, брызнувшая фонтаном кровь залила ей лицо, она дернулась и обмякла. Виктор тронул ее за руку, но пульса не нащупал.

В его мозгу молнией пронеслась мысль: убил! Теперь его арестуют, дадут как минимум пятнадцать лет, лучшие годы Виктор проведет на зоне в бараке, и неизвестно, выйдет ли он оттуда.

Парень заметался по номеру, отыскивая паспорт. В голове лихорадочно складывался план действий. Следует бежать со всех ног как можно дальше. Виктор, прихватив сумку с вещами, выскочил было на улицу, кинулся к вокзалу, но внезапно притормозил. Сегодня, максимум завтра тело Валерии найдут и объявят его, мужа, в розыск. Нет, следует действовать по-иному.

Витя пошел на почту, купил лист бумаги, написал «предсмертную» записку, потом поднялся на скалу, оставил там вещи, паспорт и ушел с пустыми руками, в одних брюках и футболке.

Как он жил дальше, где раздобыл паспорт на имя Виктора

Харченко, как путал следы, часто переезжая с места на место, он рассказал не так подробно.

– Долго в одном городе я не задерживался, – объяснял шофер, – боялся, что найдут. Потом, правда, слегка успокоился, вроде никто меня не искал. Но все равно на хорошую работу устраиваться не решался, диплом о высшем образовании пропал зря. В приличном месте кадровик мигом затеет проверку и выяснит, что господин Харченко возник ниоткуда, ни детства у него не имелось, ни юности, появился на свет уже почти взрослым.

Вот почему Виктор трубил шофером, похоронив свои амбиции. Можно сказать, что он одним ударом кулака разрушил свою жизнь.

Дойдя до этого места, водитель замолчал.

– И вы никому из старых знакомых не намекнули, что живы?

– Нет, очень боялся.

– Даже матери?

Виктор нервно потер руки.

– Нет. Сначала я переживал, конечно, даже хотел ей сообщить о себе, потом... Знаете, мать, конечно, никогда не выдаст сына, но она могла захотеть встреч, ее могли выследить и меня вычислить. И еще... Мама бы постоянно твердила: «Говорила тебе! Предупреждала! Вот, не захотел меня послушать...» Знаете, лучше уж одному в подобной ситуации.

– Как же вы в Москве оказались?

– Случайно, – вздохнул Виктор. – Я женился на Людмиле. В Рязани мы жили, квартиру имели. Я автобус водил, а Люся в фирме работала, бухгалтером. А потом ее хозяин в гору попер, в столицу переехал, Люсю он с собой взял, главбухом сделал, квартиру ей купил. Да, хороший главбух на дороге не валяется. Уж как я сюда ехать не хотел, руками и ногами отбивался, только Люся словно с цепи сорвалась, охота ей было из провинциалки в столичную штучку превратиться. Да и для дочери в Москве больше возможностей.

В общем, Виктор поддался на уговоры жены. Сам себя он успокаивал тем, что родственников в Москве он не имеет. Что мама умерла, Витя знал. Он иногда все же звонил из телефона-автомата домой и слушал мамин голос.

– Алло, – говорила Алла Сергеевна, и сын понимал: она жива.

Виктор предпринимал «разведывательные звонки» нечасто, боялся быть пойманным. «Проверку» осуществлял примерно раз в полгода, и однажды вместо привычного «алло», в ухе раздалось:

– Слушаю. – Говорил мужчина, похоже, молодой.

Витя решил, что не туда попал, повесил трубку и повторно набрал номер.

– Слушаю, – ответил тот же баритон, – говорите!

– Можно Аллу Сергеевну, – решился наконец Виктор, подумав: если незнакомец ответит: «Сейчас ее позову», тогда он просто отсоединится, но в ответ прозвучало:

– Она скончалась, ее квартира нам досталась, по очереди.

Других родных у Виктора не имелось, да и с момента его исчезновения прошло немало лет, навряд ли он столкнется на улице со старыми знакомыми. Пораскинув мозгами, Виктор согласился на переезд в столицу.

Но, оказавшись в Москве, Витя ощутил новый приступ страха, ему мерещилось, будто милиционеры слишком пристально вглядываются в его лицо.

Шофер замолчал.

– Дальше, – поторопил я его.

Виктор хмуро посмотрел на меня.

– Устал я очень.

Я взглянул на бледное лицо Виктора. Лоб его покрывали капли пота, глаза запали, губы стали синими. Как мне быть? Заставить его рассказать о том, как он узнал, что Лера жива, как пытался убить бывшую жену, когда сообразил, что может стать ее наследником? Еще свалится в обморок или заработает сердечный приступ! И вообще, я здорово сглупил! Нашел убийцу в два счета, но что теперь с ним делать?

Внезапно шофер с трудом выдавил из себя:

– Я боялся, ждал, а тут вы пришли! Можно Люсе позвонить?

Я кивнул.

Водитель вынул мобильный, я вышел из машины, вытащил свой сотовый, набрал номер Макса и сказал:

– Я попал в щекотливое положение.

– Эка невидаль, – отозвался приятель, – что на сей раз?

– Задержал убийцу, а куда его деть, не знаю.

– А ну, поподробней! – рявкнул Макс.

Целый час потом мы просидели с Виктором в машине.

Преступник не делал никаких попыток сбежать, просто молча смотрел в окно. Когда появились милиционеры, Виктор вдруг с явным облегчением воскликнул:

– Ну вот, отмучился. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца!

Я подавил тяжелый вздох: странное дело, Виктор не должен вызывать у меня никакого сочувствия, но отчего-то его жаль.

– Послушайте, – тихо спросил шофер, – меня ведь сейчас увезут?

– Да, – кивнул я.

– А работа?

– Думаю, эту проблему решат.

– Сделайте божеское дело.

– Что вы хотите?

– У жены телефон не работает, батарейка села, а может, она отключила его. Пожалуйста, предупредите ее о моем... моей... в общем, обо всем.

Я заколебался.

– Пожалуйста, – зашептал Виктор, – понимаете, я никак не мог решиться и открыть ей правду, все собирался, собирался – и дождался. Вы, похоже, человек интеллигентный, а

Люся...

Жалость к Виктору захлестнула меня.

– Хорошо, давайте координаты Люси.

– Вот, – водитель сунул мне в руку визитку, – там все есть.

Макс открыл дверь иномарки. Виктор, не говоря ни слова, вылез наружу.

После того как профессионалы занялись Виктором, я с чувством выполненного долга завел свои «Жигули». Жаль, что Нора лишена контакта с внешним миром, она была бы мною довольна. Иван Павлович в два счета справился с задачей. Правда, мне самому удачное завершение работы не принесло никакой радости. Отчего-то жалость к Виктору не проходила, мне все время вспоминались его белые пальцы, сжимавшие руль, и растерянные, совсем не хитрые и не злые глаза. По моему мнению, мужчина, замысливший коварное убийство с корыстной целью, должен выглядеть иначе. И еще, мне очень не хотелось встречаться с этой Люсей, выслушивать истерики, утешать, говорить глупые, ничего не значащие слова. Но отец всегда внушал мне:

– Не давши слова, крепись, а давши – держись. Умение исполнять свои обещания отличает джентльмена от общей массы людей.

Выкурив сигарету, я еще раз взглянул на визитку и поехал в то место, где сейчас сидела у компьютера ничего не подозревавшая о произошедшем Людмила Семеновна Харченко.

Услышав стук в дверь, бухгалтерша крикнула:

– Открыто. Кто подумал, что я запираюсь? Входите, ребята.

Я застыл на пороге комнатенки, где с огромным трудом уместился письменный стол и два стула. Странная штука жизнь, вот сейчас эта милая, довольно молодая женщина чувствует себя просто превосходно. Она счастлива замужем, перебралась в Москву, ее карьера идет в гору, благополучие семьи растет... На лице Людмилы при виде незнакомого посетителя появилось лишь легкое недоумение. Но через пятнадцать минут ее жизнь изменится самым полярным образом. Из добропорядочной гражданки, любимой жены и ценного сотрудника она превратится в супругу уголовника. Ей предстоят тяжелые минуты свиданий, сборы посылок с харчами, поездки на зону, бессонные ночи, слезы... Ох, не зря в древности гонца, принесшего плохие вести, убивали.

– Слушаю вас, – улыбнулась Люся.

Я слегка замялся.

– Можно войти?

– Ну конечно, только с вашими габаритами, боюсь, вы тут не поместитесь, – засмеялась она.

– Я не толстый, просто высокий.

– Да в этом кабинете должен работать хомяк, – окончательно развеселилась Харченко. – Директор, когда рабочие места распределял, так и сказал: «Здесь Люсе сидеть, кроме

нее, никто больше не пролезет». Вечно меня из-за крохотного размера в щель засовывают.

– Мал золотник, да дорог. – Я старательно отодвигал момент начала серьезного разговора.

– Это верно, так вы ко мне с чем?

– Вы Людмила Харченко?

– Да.

– Жена Виктора?

– Именно так, – слегка насторожившись, кивнула бухгалтер.

– Ваш муж шофер?

Людмила прижала к груди кулачки.

– Говорите скорей. Я не истеричка. Авария, да? Почему мне не позвонили?

– У вас телефон не отвечает.

Людмила сунула руку в карман и вытащила крохотный аппарат.

– Батарейка разрядилась, а городской аппарат с утра сломался, – прошептала она. – Виктор жив?

– Абсолютно здоров, – быстро заверил я ее.

Люся с облегчением выдохнула:

– Что случилось-то?

– Понимаете... э...

– Ну?

– Право, трудно так, в общем... э...

– Хватит мямлить, – Люся стукнула кулачком по столеш-

нице.

– Ваш супруг в милиции, – выпалил я.

Она снова стиснула кулаки.

– Господи, он сбил человека!

– Нет, нет...

– Влетел в дорогую иномарку.

– Не...

– Обругал гаишника? Подрался с ним?

Я набрал полную грудь воздуха:

– Виктор убил свою жену, к его профессии преступление не имеет никакого отношения.

Люся начала грызть ногти, молча, сосредоточенно, потом сказала:

– Я жива.

– Не о вас речь.

– А о ком?

– О Валерии Ермиловой.

– Это кто?

– Первая супруга Виктора.

Люся схватила со стола карандаш и сломала его.

– Глупости, Витя до меня не имел жены.

– Это не так.

– Он мне говорил...

– Выслушайте меня до конца, – взмолился я.

Чем больше неприятных новостей высыпал я на Люсину голову, тем несчастнее и круглее делались ее глаза. В конце

концов она прошептала:

– Нет, нет, нет... я же останусь одна с ребенком... Конечно, Витя не лучший муж, но... нет, нет...

Я растерялся, надо было прихватить по дороге валокордин и бутылку воды, сейчас Люся упадет в обморок. Но она огромным усилием воли справилась с собой.

– Где он? – спросила Люся, вставая.

– Могу узнать, – кивнул я.

– Действуйте.

Я соединился с Максом.

– Послушай, тут...

В то же мгновение Людмила выхватила у меня мобильный.

– Я Харченко. Где мой муж? Да. Да. Еду.

Швырнув сотовый на стол, она схватила сумку.

– Уходите, я поеду к Виктору. Какой ужас! Я теперь жена убийцы! Вот позор-то!

Я молча вышел в коридор, потом на улицу, Люся встала у обочины и подняла руку.

– Давайте отвезу вас, – предложил я, – говорите адрес.

Она с готовностью скользнула в «Жигули», я покатил по проспекту и через пару минут, решив нарушить тягостное молчание, включил радио. «Все будет хорошо, все будет хорошо, все будет хорошо, я это знаю, знаю», – полетело из динамика. Мои пальцы быстро крутанули ручку, песня явно не соответствовала настроению. «И только мать-старуш-

ка заплачет на могиле...» Я снова предпринял попытку сменить радиостанцию. «Таганка, я твой бессменный арестант, пропали юность и талант...»

Палец Люси ткнул в кнопку, дальнейший путь мы проделали в полнейшем молчании.

Едва машина подкатила к нужному дому, Люся резко спросила:

– Ты кто, адвокат?

– Нет, – удивился я. – Отчего вы вдруг так решили?

– На мента не похож.

– Я работаю частным сыщиком.

– Ясно, – кивнула Люся, – я заплачу тебе, вот, сто баксов, держи, хватит?

– Я не совсем понял...

– Езжай в детский сад, – отчеканила Люся, – найди нянечку Ираиду Семеновну и скажи ей, чтобы Соню Харченко на ночь оставили.

– Но...

– Не нокай, – перебила Люся, – меня отсюда сразу не отпустят, а садик работает до шести.

– Неужели вам некого, кроме меня, попросить?

– Точно! Некого.

– А если по телефону...

– Да они трубку не берут!

Я растерялся.

– Ну, если так... Впрочем, нянечка может мне не пове-

ритель.

Люся вытащила из сумки блокнот.

– Я записку напишу.

– Хорошо, – сдался я, – учитывая форсмажорные обстоятельства, я выполню вашу просьбу.

Глава 9

Двухэтажное здание садика пряталось в глубине большого двора. Я вошел внутрь пропахшего щами помещения и увидел на стене объявление: «Дети выдаются родителям только в трезвом виде». Вот и гадай после этого, что имела в виду администрация. То ли пьяных воспитанников тут оставляют на ночь, то ли родители обязаны являться сюда трезвыми.

– Дядя, ты чей папа? – тронуло меня за штанину крошечное ангелоподобное существо.

Вместо того чтобы ответить: «Ничей», я присел на корточки и спросил:

– Скажи, солнышко, где можно найти нянечку Ираиду?

– Она на кухне, – сообщило дитя, – чай пьет, с печеньем.

Если мы чего не съедаем, это потом нянечка скушает.

Я улыбнулся и пошел по длинному коридору, в который выходило бесчисленное множество белых одинаковых дверей. Нянечка нашлась за пятой. Она и впрямь баловалась чаем с курабье.

– Вы Ираида? – спросил я.

Нянька вытерла рукой губы.

– Ну?!

– Вам записка.

– Что?

Я сунул ей под нос листок.

Бабища близоруко прищурилась, потом поднесла к носу цидульку.

– Поня-ятно, – протянула она.

– Значит, девочка останется присмотренной? – обрадовался я столь скорому разрешению проблемы.

– Деньги за ночную группу уплочены, – мрачно буркнула Ираида, – я никакого права не имею возражать, хотя ясное дело, что ребенку лучше дома, чем тут. Любая мать, даже такая, как... Впрочем, ладно, хорошо хоть догадалась записку написать. Эх, ну и люди.

Не желая вступать в разговор с обозленной бабой, я вежливо сказал: «До свидания» – и пошел к двери.

– Эй, постойте-ка! – воскликнула Ираида.

Я обернулся.

– Слушаю вас!

– Ну офигеваю прямо, – взвизгнула она, – просто цирлих-манирлих. Вас Павлом зовут?

– Иваном Павловичем.

– А, значит Соня спутала. Она все говорит: «А про Павла рассказывать ни-ни!» Неужели вам не стыдно?

– С какой стати я должен испытывать душевные муки, – удивился я, – я ничего плохого не сделал!

– Ладно тебе, – махнула рукой Ираида, – Люся дочку запугала, та дома как могила молчит, а сюда придет и мне рассказывает. Зачем в семью влез? Некрасиво это! Девочку к себе привязываешь, подарки даришь. Уж и не знаю, как та-

кое поведение назвать. Позавчера Соня куклу приносит, эту, как ее, Барби. Дает мне и шепчет: «Спрячьте на полку».

Ираида удивилась и отчего-то тоже шепотом поинтересовалась:

– А зачем ее убирать? И почему ты в детский сад дорогую игрушку притащила? Вдруг кто сломает. Давай положим в шкафчик, а вечером домой заберешь.

– Нет, – озираясь, ответила малышка, – мне ее дядя Павел подарил, нельзя к себе нести, вдруг папа спросит, откуда Барби взялась? Пусть пока тут посидит, а потом мама за дядю Павла замуж выйдет, и я ее заберу.

Ираида сначала оторопела, а потом спросила:

– Твоя мама надумала развестись с папой?

– А чего с ним жить, – по-взрослому ответила девочка. – Копейки приносит, и его за это кормить, одевать и обстирывать надо. Да еще на маму бросается, кричит: «Убью, зараза».

Я с легким изумлением слушал нянечку. Лично у меня создалось впечатление, что Люся очень встревожена судьбой Виктора – пока мы ехали в милицию, на ней просто лица не было.

– Так что, мил-человек, зазря ты в чужую семью лезешь, – с осуждением закончила Ираида, – дитя у них, тебе девочка чужая, как ни прикидывайся – родной не станет. Оставь их в покое, найди себе незамужнюю. Нехорошо!

– Вы ошибаетесь, – непонятно по какой причине я попы-

тался разубедить няньку, – я не имею никакого отношения к Люсе.

Следовало просто молча уйти, но меня отчего-то потянуло оправдываться.

– Ага, – скривилась Ираида, – а то записки чужие люди носят? Ваще обнаглел, в садик явился! При живом отце.

– Поверьте, я сегодня впервые в жизни увидел Харченко, – продолжал бубнить я.

Ираида сморщилась. Я слегка растерялся, может, стоит рассказать про арест Виктора? Но вдруг Люся не хочет, чтобы о задержании супруга знала каждая собака? Да и с какой стати я обязан давать отчет няньке? Просьбу Люси я выполнил, а уж на семейные секреты госпожи Харченко мне абсолютно наплевать.

Я повернулся и пошел к двери.

– Бесстыжие глаза, – полетели мне в спину злые фразы, – наглая морда! Ну погоди, господь-то все видит, ничего не простит. Плохо тебе будет!

В самом мерзком настроении я сел за руль, услышал треньканье мобильного, глянул на дисплей и увидел номер Николетты. Первой мыслью было не отвечать, но потом я справился с детским желанием спрятаться в шкаф при виде неприятности и спросил:

– Что случилось?

– Вава, – затрещала маменька, – ты где?

– Ну, в принципе не так уж далеко от дома.

– Прелестно. Немедленно купи мочалку.

– Что?

– Мо-чал-ку, – по слогам повторила Nicoлетта, – такую мягкую, длинную. Ясно?

– Абсолютно, – ответил я.

– Как окажешься в магазине, позвони.

– Зачем?

– Важен цвет.

– Мочалки?

– Да.

Я снова не стал спорить. Долгие годы общения с Nicoлеттой научили меня: если хочешь сохранить психическое здоровье, никогда не занимайся выяснением ненужных подробностей. Желает маменька мочалку определенного цвета? Приобрету без проблем и отправлюсь спокойно читать Рекса Стаута. Начну совершенно справедливо объяснять ей, что цвет губки никак не влияет на ее качество, получу жуткую истерику. Да и какая мне разница, с чем Nicoлетта отправится в ванную?

Приехав в супермаркет, я соединился с маменькой.

– Стою в отделе хозяйственных товаров.

– Ну-ка, – оживилась Nicoлетта, – скажи, какая там гамма красок?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.